

Три желания женщины-мечты

Автор:

Дарья Донцова

Три желания женщины-мечты

Дарья Аркадьевна Донцова

Виола Тараканова. В мире преступных страстей #37

По моим романам снова будут снимать сериал! Меня, писательницу Арину Виолу, в миру Виолу Тараканову, пригласили присутствовать на съемках. И я с радостью отправилась в городок со смешным названием Гидрозавод! Едва я обосновалась в доме Николаевых, где меня приняли почти как родную, началась череда довольно странных событий. Ни с того ни с сего... умерла Катя Николаева – съела коврижку, купленную для бабушки. Кто, кого и за что хотел отравить? Ведь явно один из домочадцев «постарался». И при чем тут пуштаны, практически исчезнувший с лица земли народ? Вот и снова я, писательница Арина Виолова, очутилась в центре еще не написанного романа. Да и в книжке не придумать таких коллизий, какие иногда устраивает жизнь...

Дарья Донцова

Три желания женщины-мечты

© Донцова Д. А., 2015

© Оформление. ООО «Издательство «Э», 2015

* * *

Глава 1

– Каждая красавица достойна своего чудовища...

– Мама, что ты несешь? – возмутилась прехорошенькая блондинка, отодвигая от себя полную тарелку.

– Что не так? – удивилась хозяйка дома. В руке она держала кофейник.

– Секунду назад ты обозвала своего зятя чудовищем! – взвизгнула девушка.

Мать поставила кофейник на резиновый коврик, лежавший около блюда с овощами.

– Аллочка, мне и в голову не пришло оскорблять Витю.

Дочь вскочила, обвела глазами сидящих за столом.

– Все слышали твои слова: «Каждая красавица достойна своего чудовища». Катя, почему ты молчишь?

Симпатичная брюнетка сделала вид, будто не слышит вопроса, и стала сосредоточенно намазывать на ломтик хлеба масло.

– Аллуся, – ахнула мать, – отчего ты решила, что я говорила о тебе и о Вите? Я всего лишь прокомментировала телепрограмму. Там показывали молодую прелестную актрису, которая вышла замуж за старого пузатого мужика. Я посмотрела на них и сказала про чудовище.

– Алка считает, что единственной красоткой во всем мире является она, – вот и среагировала, – произнесла брюнетка. – У сестрицы и мысли не возникло, что на свете много симпатяшек, и кое о ком из них по зомбоящику вещают. Мама, а что это за пакость ты подала сегодня на ужин?

– Оладьи из кержача, солнышко, – пояснила хозяйка дома, – к ним соус из ягод годжи.

– Я не хочу стать героиней таблоидов, – ни к селу ни к городу заявила Алла.

– Вроде кирзачи это сапоги, – протянул мужчина, сидевший слева от меня, – их солдатам выдают.

– То-то блинчики на вкус подошву напоминают, – хихикнула Катя.

– Вау, ты ела подошвы? Знаешь, какие они на вкус? – съязвила Алла.

– Олег, ты ошибаешься, – сказал рыжеволосый толстяк, муж обидчивой красавицы, – кирза не обувь, а композитный материал, который используется в качестве заменителя кожи.

Олег уставился на говорившего.

– Но армейские сапоги из него делают?

– Нет, – возразил толстяк, взяв салфетку, – только ту часть, которая охватывает голень.

– Арефьев, а голенище, по-твоему, не сапог? Витя, это смешно! – Олег и впрямь засмеялся. – Моя сестра вышла замуж за зануду.

– «Хелло, хелло, хелло...» – вдруг запел женским голосом дорогой сотовый, лежащий возле его тарелки.

– Ну и звонок, – поморщилась Алла. – Однако тупая песня у тебя в телефоне, братик!

– Слушаю, Сергей Иванович, – сказал в трубку Олег. – Да, как всегда. Извините, я ужинаю с семьей.

Виктор Арефьев увидел, что шурин, закончив разговор, положил мобильный на то же место, и завел:

– Нет, голенище не сапог, а всего лишь его часть. Еще в нем есть...

– Боже, перестаньте! – поморщилась Алла. – Оба прекратите. Олег, не дразни Витю. Говорить во время еды про вонючие ботинки отвратительно!

– Алла, сапог не ботинок, – упрямо заявил Виктор, – надо соблюдать точность в...

Я поняла, что сейчас разразится скандал, и решила перевести разговор на другую тему.

– Нина Анатольевна, все же что такое кержач?

Хозяйка явно обрадовалась возможности сменить тему.

– Это, Виолочка, рыба. В России она не популярна, а зря. В кержаче содержатся уникальные микроэлементы, крайне необходимые человеку. Кстати, я готовила оладушки, перемолов филе в пластиковой мельнице, ведь металл разрушает витамины. И, естественно, манной крупы в составе блюда нет. На гарнир пюре из брюквы, купленной у фермера, выращивающего овощи без химикатов. А соус из ягод годжи повышает иммунитет.

– В здоровой еде есть лишь один недостаток, – серьезно заметил Олег.

– Какой, сынок? – поразились Нина Анатольевна. – Я готовлю по книге «Как прожить триста лет», стараюсь точно придерживаться рецептов.

– Мама, не спорю, правильное питание сделает нас всех вечными, – сказал сын, – но вот беда: есть все эти полезные продукты просто невозможно. Жареная картошка, по твоему мнению, яд, зато она очень вкусная.

– О да! – закатила глаза Алла. – Помните, как папа ее готовил? С корочкой!

– Геннадий Петрович был прекрасным человеком, – прошептала миловидная шатенка, до сих пор не проронившая ни слова. – Он был лучший на свете муж

и отец, о таком свекре любая женщина мечтает.

– Спасибо, Эллочка, – нежно пропела Нина Анатольевна, – я очень ценю твое доброе отношение к моему покойному мужу.

– Элла всегда знает, когда и какое замечаньице вернуть, – ехидно заметила Алла. – И – раз, за это ей конфетка в ротик валится.

– Я имею право высказывать свое мнение, – пролепетала Элла, – а если оно кому-то не нравится, извините. Папа Гена был и навсегда останется для меня самым близким и родным человеком. Безмерно жаль, что он так рано нас покинул.

– Спасибо, кисонька, – еще больше растрогалась хозяйка дома, – ты совершенно права. Но из-за врожденной деликатности не упомянула, что он скончался из-за вредных привычек. Увы, мой супруг курил, ел жареное, жирное, копченое, соленое, не занимался спортом...

– Мама! – в один голос воскликнули Алла и Катя. А последняя добавила:

– Виоле Ленинидовне, наверное, не хочется слушать твои причитания.

– Нет, нет, мне интересно узнать о чужих семейных традициях, – сказала я и осеклась, осудив себя мысленно. Ну, Вилка, ты сморозила отменную чушь. Какие такие традиции ты имела в виду? Смерть от ожорства? Сиди лучше молча и, чтобы не обижать хозяйку, попытайся слопать хоть кусок непотребного блина из неизвестной рыбы.

– Ой, Виолочка, – испугалась Нина Анатольевна, – извините, я не хотела доставить вам неудобство! Вы столько хорошего сделали для нас, предоставили сыну шанс, о котором он мечтал. Олегу не везло, никто его всерьез не воспринимал, и тут вы, добрый ангел, фея...

Олег вдруг отшвырнул вилку. Та угодила прямо в тарелку Кати. Пюре из брюквы взметнулось и осело на белой блузке девушки. Отпрыск Николаевой вскочил и быстро ушел в глубь дома.

– Мама! – укоризненно произнесла дочь, вытирая салфеткой блузку. – Ну нельзя же так!

– Что плохого я сделала? – удивилась Нина Анатольевна. – Просто поблагодарила Виолу. Почему Олежек вышел из себя?

Катя, закатив глаза, тоже встала из-за стола и убежала из столовой со словами:

– Ну, мама, ты просто безмозглая курица!

Хозяйка повернулась к другой дочке:

– Аллочка, что происходит? По какой причине Олег и Катя разволновались?

Блондинка усмехнулась:

– Мама, успокойся. Некоторые вещи ты просто не способна понять. Никогда. Поэтому расслабься и забудь. Знаешь, как пашет адронный коллайдер? Объяснишь принцип его работы?

– Кто? – жалобно спросила Нина Анатольевна. – Андрон Колкайдер? Он тоже режиссер, как Олежек?

Аллочка поднялась, подошла к матери и похлопала ее по плечу.

– Вот видишь, ты чудесно живешь, не парясь от того, что не слышала про одно из величайших достижений современной науки. А про войну в Кении знаешь?

Хозяйка дома опешила.

– Значит, нет, – резюмировала дочурка. – В мире происходит миллион разных событий, о которых ты понятия не имеешь и не страдаешь от этого. Почему ты разволновалась из-за Олега? Ведь твой любимый сынок в планетарном масштабе пылинка.

– Расстроилась, что обидела его, – пробормотала Нина Анатольевна. – И Катя недовольна. Оладьи ей не по вкусу пришлось – унеслась, их на тарелке оставила.

После этих слов из глаз Аллы ехидство испарилось. Она вернулась на свое место за столом, быстро запихнула в рот все оладьи, демонстративно пожевала, схватила салфетку, вытерла губы и, держа в руке бумажный комок, с чувством произнесла:

– Мамуля, ужин прекрасен! Я бы попросила добавку, но ведь не стоит растягивать желудок, да?

С лица Нины Анатольевны исчезло несчастное выражение.

– Конечно, солнышко, ты права.

– Спасибо, всем спокойной ночи, – улыбнулась Алла и ушла, унося испачканную салфетку.

Я посмотрела вслед девушке. За несколько дней, проведенных под крышей семейства Николаевых, я убедилась: обе дочери считают мать глупой курицей и не особенно ее любят. Но у Аллочки порой просыпается нечто вроде жалости к родительнице. Вот и сейчас старшая дочь заявила, что восхищена оладьями, искусно изобразила, будто с аппетитом их ест. Но я заметила: вытирая рот, она выплюнула еду в салфетку, которую, удаляясь, предусмотрительно прихватила с собой.

– Кофейку? – засуетилась Нина Анатольевна. – Виолочка, напиток из цикория полезен невероятно!

– С удовольствием попробую, – покривила я душой.

– А как вам оладушки? – спросила она. – Я соли совсем чуть-чуть в них добавила.

– Они потрясающие, – похвалила я, – ароматные, нежные, настоящий кулинарный шедевр.

– О-о-о! – зарделась хозяйка. – Наверное, вы из вежливости мой ужин нахваливаете?

– Нет, нет! – горячо возразила я. – Кирзач...

– Кержач, – поправил Витя.

– Впервые попробовала его, вот название и перепутала, – оправдалась я. – Рыбка великолепна, я готова есть и есть ее, никогда ничего вкуснее не пробовала.

Нина Анатольевна повеселела.

– Приятно это слышать! Похвала всегда окрыляет. Знаете, я люблю читать интервью знаменитостей, так вот, некоторые из них говорят, что их мотивирует к движению вперед критика. Поругают звезду зрители, журналисты, а он или она думает: «Назло вам во всех рейтингах первые места займу!» И принимается работать с десятикратным усердием. А со мной все наоборот: если услышу от родных, что блюдо невкусное или я что-то другое плохо сделала, сразу расстраиваюсь, плачу, опускаю руки. Сейчас кофеек из цикория подам...

Хозяйка убежала на кухню, а я начала мысленно уговаривать желудок, шокированный порцией кержача, не урчать на всю столовую.

Наверное, пора рассказать, почему я очутилась в доме Николаевых. А заодно и о том, что я делаю в городе с поэтичным названием Гидрозавод.

Весной текущего года Иван Николаевич Зарецкий, владелец издательства «Элефант», решил снять телесериал по книгам Арины Виоловой и буквально заставил меня написать на основе моих произведений сценарий. Иван не стал связываться с московскими кинокомпаниями, обратился на фирму «Кинофабрика» из Гидрозавода. Объяснил он свое решение просто:

– Народу надоели одни и те же актеры, мелькающие на всех каналах. Вчера я специально сел телик смотреть, чтобы понять, что людям нравится, и развеселился. На одном канале Николай Бузлакин злодея изображает, а на другом он же влюбленный юноша. Причем везде парень одинаковые рожи корчит. Смешно, ей-богу! Пощелкал пультом, попал на псевдоисторическую

ленту. И кто в ней царем в парче и золоте на троне восседает? Опять же Бузлакин со своими выпученными глазами и мимикой больного гиббона. Мне такой радости не надо. В провинции много прекрасных лицедеев, но о них столичные режиссеры не слышали и работают с теми, кто под носом вертится. Короче, твой сериал снимаем в Гидрозаводе. Там вполтину меньше, чем в Москве, денег на производство израсходуем, местные актеры мегагонораров не потребуют. Кстати, знаешь, сколько у Бузлакина один съемочный день стоит? Десять тысяч долларов.

– Круто! – восхитилась я.

– И за какие таланты ему столько отстегивают? – бушевал Иван Николаевич. – За выпучивание глаз? Больше-то красавчик ничего не умеет. Да я за такую сумму армию кривляк найму, уж найдется среди них один талантливый артист, а не просто пучеглаз. Короче, в Гидрозаводе одним выстрелом мы двух зайцев убьем: сократим бюджет и найдем незамыленные лица исполнителей. Между прочим, на тамошней «Кинофабрике» уже многие московские проекты снимали. Продюсеры приглашают парочку столичных звезд и дополняют актерский состав провинциальными артистами.

– Неужели в Гидрозаводе такое количество актеров? – удивилась я.

Зарецкий потер руки:

– В массовых сценах снимается местное население, на «Кинофабрике» работает отдел подбора исполнителей. Смотришь фото и говоришь: «О, вот этого хочу». А тебе в ответ: «Артист служит в Ухрюпинском театре, сейчас свяжемся с ним». Утром «Алену Делону» местного разлива звякнут, вечером он уже в Гидрозаводе. Это Бузлакин выделяется: «Я сейчас занят... сценарий не подходит... обеспечьте мне гримваген-люкс... на обед кролика, фаршированного икрой, подайте...» Ребята же из глубинки совсем не капризны, на все ради роли готовы. А таланта у них часто поболее, чем у столичного выпендрежника.

– Я не понимаю, как делают кино, – осторожно заметила я, – но, думаю, многое зависит от режиссера.

Зарецкий выложил на стол снимки.

– Есть три кандидатуры. Номер один – Эдгар Бондарчук-Герасимов.

– Наверное, режиссер взял такой псевдоним? – предположила я. – Ведь навряд ли он потомок сразу двух великих режиссеров, Сергея Бондарчука и Сергея Герасимова. Однако как-то нескромно, я бы не решилась написать на обложке своей книги Виола Кристи-Конан Дойл.

– Мне выскочка не понравился, – поморщился Зарецкий. – Представляешь, нахал заявил: «Никаких вмешательств в свой творческий процесс я не потерплю. С вас исключительно бабло, остальное – задача великого творца. То есть моя». Красиво, да? Я, значит, ему вагон денег, а он мне в ответ то, что получится. Забирай, Иван Николаевич, и ешь. Как тебе сей герой?

Я пожала плечами.

– У продюсеров всегда есть свои желания, их надо учитывать.

– Во-во, – кивнул Зарецкий, – и я того же мнения. Теперь глянь на Георгия фон Траубе. Этот, едва в офис зашел, заявил: «Я прямой потомок германского кайзера фон Траубе».

– А что, был такой? – удивилась я. – Про Гогенцоллернов я слышала, про фон Траубе нет. Но я не являюсь знатоком истории.

Иван упер в снимок указательный палец.

– Его в прессе хвалят, называют лучшим режиссером интеллектуального кино.

– У нас детективный сериал, – напомнила я, – странно, что такой деятель за него берется.

– Он объяснил свое согласие так: «Сейчас достойных сценариев не пишут, народ предпочитает дерьмо смотреть. Чтоб с голоду не сдохнуть, решил за вашу кинушку взяться».

– Отлично... – пробормотала я. – По крайней мере, господин фон Траубе откровенен и честен. Но автору дерьма не особенно приятно будет с ним

работать. И, наверное, этот фрукт тоже не обрадуется, если услышит от продюсера или сценариста скромное замечание.

– Третий в нашем забеге Олег Николаев. Хоть фамилия нормальная, под потомка великих режиссеров и кайзера не косит, – отметил Зарецкий. – Я с ним встретился: он вежливый, спокойный. О гениальных замыслах не пел, про желание плюнуть в вечность не вещал. В отличие от первых двух мужиков мегагонорара не ждет, готов работать, учитывая общие интересы, за скромное вознаграждение. Мне о нем сказал Григорий Андреевич Васькин, владелец «Кинофабрики». Нет, он не просил утвердить Олега режиссером, просто намекнул: «Есть хороший парень, работоспособный, без закидонов, внук Елизаветы Гавриловны Николаевой, подруги моей покойной мамы Веры Дмитриевны. Интеллигентный умный человек. Если мой протеже покажется тебе приемлемой кандидатурой, рассчитывай на скидку при аренде павильона».

– Очень тонкий намек, – рассмеялась я. – Бизнесмен хочет дать работу отпрыску близкой знакомой. Что ж, ничего удивительного. Наверное, парень вчерашний студент?

Зарецкий сложил фотографии стопкой.

– Васькин не обманщик, расхваливая Олега, не скрыл, что принимает участие в его судьбе. Мог бы промолчать о дружеских отношениях своей мамы с бабушкой претендента, но не стал этого делать. И еще он упомянул про одно «но».

– Всегда есть какое-нибудь «но», – вздохнула я. – Что же с ним не так?

– Николаев окончил вуз давно, однако до сих пор служил вторым режиссером, то есть опыт имеет только как помощник. Тем не менее мне Олег понравился. Вопрос, стоит ли рисковать? Следует ли, так сказать, становиться первой женой девственника?

– Все великие когда-то были новичками, – изрекла я ходульную истину, – по крайней мере с этим претендентом возможен диалог. А с остальными нет.

Зарецкий разорвал два снимка.

– Договорились. Работаем с Николаевым.

Глава 2

Я прилетела в Гидрозавод спустя неделю после запуска съемок.

В общем-то, мое присутствие на площадке совсем не требовалось, но Иван Николаевич позвонил мне и стал бурно восторгаться:

– Виола, дорогая, тут райское место! Погода замечательная, плюс двадцать пять, ветра нет, на базаре полно фруктов за копейки, работает масса ресторанчиков, где кормят на убой. Кроме того, здесь есть озеро размером с море, противоположного берега не видно. Прилетай скорее, отдохнешь прекрасно!

– В Гидрозаводе есть аэропорт? – удивилась я.

– Нет, городок небольшой, но он расположен неподалеку от Нижнегорска, а вот там самолеты из столицы садятся, – объяснил Зарецкий. – Встречу тебя на машине представительского класса.

Мне стало смешно. Издатель считает меня звездой первой величины и всегда демонстративно подчеркивает мой статус. Помнится, на последней книжной ярмарке всем участникам вручали скромные букетики из пяти розочек, а мне приволокли клумбу от известного флориста. Если пиар-отдел «Элефанта» рассылает релизы о каких-то мероприятиях, где предполагается присутствие Виоловой, то перед моей фамилией всегда стоят эпитеты «великая» и «гениальная». А недавно я наткнулась в Интернете на новость о себе, которая начиналась словами: «Незабвенная Арина снова порадовала нас супермегаархитектурноинтересной книгой». Сначала я рассмеялась, затем потратила около часа, объясняя начальнице пиар-отдела издательства, что слово «незабвенная» больше подходит для некролога, но так и не добилась успеха.

Прибыв в Гидрозавод, я полагала, что поселюсь в гостинице. Но меня привезли в большой старый дом, окруженный огромным участком, в конце тихой улицы.

– Смотри, какая красота, – вздыхал Зарецкий, когда мы шли по вымощенной декоративным камнем дорожке, ведущей к крыльцу. – Все тут напоминает английскую провинцию: запущенный сад, особняк, в котором, похоже, живет парочка привидений... А воздух какой! Его пить можно! Вот, держи ключи от машины. Иномарка под навесом, она совершенно новая, но я на всякий случай велел вычистить салон. Покатайся по округе, полюбуйся видами, до озера отсюда всего два километра, там прекрасный пляж.

Я принялась благодарить издателя:

– Большое спасибо! Очень хотела отдохнуть, но чудесно бы устроилась в гостинице. Снимать для одного человека здоровенный дом слишком дорого.

– Нет, нет, – остановил меня Иван Николаевич, – это пансион, который принадлежит Елизавете Гавриловне Николаевой, той самой, чей внук снимает наш сериал.

– Ага, – пробормотала я.

Зарецкий взял меня под руку и стал рассказывать:

– Геннадий Петрович, зять хозяйки, муж ее дочери Нины Анатольевны, был доктором наук, ректором университета в Нижнегорске, уважаемым человеком. Увы, он скончался. Нина Анатольевна всю жизнь просидела за спиной супруга, ни дня не работала, родила сына Олега и двух дочерей, Аллу и Катю. Дети у Николаевой хорошие, но пока успеха не добились. Катя вроде модельер, один раз даже устраивала показ своей коллекции в Нижнегорске. Но дальше этого дело не пошло, на продажу она ничего не шьет. Алла поступила в московский Литературный институт, но на первом курсе перестала ходить на лекции, решила стать «Мисс мира».

– Кем? – удивилась я.

– Главной красавицей земного шара, – уточнил Иван. – Справедливости ради отмечу: она очень хороша внешне. Алла пыталась участвовать в конкурсах, но ей в столице живо объяснили: у нас своих симпомпончиков тьма. А из вуза девушку выперли за несданную сессию. Алла вернулась к матери и дома победила сначала в конкурсе «Краса Гидрозавода», затем стала «Мисс Нижнегорска».

А вскоре весьма удачно выскочила замуж за Виктора Арефьева, сына владельца сети кинотеатров, Иннокентия Ефимовича. Но парень нигде не работает, он профессиональный знаток.

– Знаток чего? – не поняла я.

– Всего, – хмыкнул Зарецкий, – Витя член местной команды «Что? Где? Когда?», участвует во всевозможных викторинах на эрудицию, получает призы, в том числе денежные. Думаю, он рассчитывает на тучное наследство, ждет, когда папаша тихо отправится на кладбище. Его отец живет один, Иннокентий Ефимович вдовец, второй раз не женился, детей, кроме чрезмерно умного Вити, не имеет. Краем уха я слышал, что бизнесмен выпер отпрыска из дома за потрясающую лень, за откровенное нежелание работать вообще и на семейной фирме в частности. Наш режиссер, как и Алла, учился в Москве, но, в отличие от сестрицы, получил диплом и состоит в штате «Кинофабрики». До перестройки в Нижнегорске существовало огромное предприятие, выпускавшее какие-то трубы, а Гидрозавод возник неподалеку как место, где селились его рабочие и ИТР. В конце восьмидесятых производство закрылось, народ побежал кто куда. А в самом начале девяностых Григорий Васькин скумекал: страна скоро поднимется из разрухи, значит, обязательно будет развиваться кинопроизводство, а до Нижнегорска от Москвы менее двух часов лета. Бизнесмен купил руины завода, переделал бывшие цеха в съемочные павильоны, и теперь Гидрозавод с Нижнегорском живут за счет местной «фабрики грез», куда хлынул поток артистов, операторов, режиссеров, художников и прочих специалистов киноиндустрии. Аборигены держат частные гостиницы, сдают приезжим квартиры, открыли ресторанчики, работают примерами, костюмерами, осветителями, играют в массовках. Олег Николаев женат на Элле. Супругу он привез из Москвы, о ней все в один голос твердят: тихая, милая, даже слишком воспитанная – если случайно кошке на лапу наступит, долго перед ней извиняется. Элла служит в пиар-отделе «Кинофабрики».

Мой работодатель потер затылок.

– Геннадий Петрович, зять Елизаветы Гавриловны, кормил всех своих домочадцев. Когда он умер, для семьи настали черные дни – дом большой, содержать его непросто, на одном электричестве разоришься, а из домашних только Элла и Олег регулярно зарплату получают, причем оклады у них невелики. Надо было бы остальным ленивые задницы от диванов оторвать,

но они не желают. Катя по-прежнему изображала из себя Шанель и Дольче с Габбаной, Алла бегала по маршруту: фитнес-косметолог-стилист, готовилась к очередному конкурсу красоты, Виктор участвовал в викторинах. Вдова, Нина Анатольевна, впала в депрессию. И тут всех приструнила бабка, Елизавета Гавриловна, которой, кстати, на днях стукнуло девяносто. Уникальная женщина, героическая, просто легенда! По национальности она пуштанка.

– Никогда не слышала о такой, – удивилась я.

– Россия огромна, я сам о пуштанах ничего не знал, – сказал Иван Николаевич. И продолжил: – Григорий Васькин, владелец кинофабрики, устроил мне экскурсию в музей и тебя туда отведет. Он тоже пуштан, Комани для него... слов не подберу... ну, как Ленин для октябренька. Понимаешь?

– Кто такие Комани? – растерялась я.

– Это девичья фамилия Елизаветы Гавриловны, – пояснил Зарецкий. – Давай коротенько введу тебя в курс дела...

Пуштаны – малочисленный народ, который селился кучно в одном районе на границе с Китаем. Пуштанов, занимавшихся сельским хозяйством, было несколько тысяч человек, они сохранили свой язык, письменность, обычаи, жили замкнуто, никому не мешали. Но в сорок шестом году Сталин решил, что пуштаны предатели. Дело в том, что никто из них во время Великой Отечественной войны на фронт не пошел – им религия не позволяла оружие в руки брать, вот вождь и решил с пуштанами разобраться, направил в глухомань сотрудников МГБ[1 - МГБ – Министерство госбезопасности, создано в 1946 г. До этого было: ВЧК (1917–1922 гг.), ГПУ (1922–1923 гг.), ОГПУ (1923–1934 гг.), НКВД СССР (1934–1941 гг.), НКГБ СССР (1941 г.), ГУГБ НКВД СССР (1941–1943 гг.), НКГБ СССР (1943–1946 гг.). Позднее, в 1953 г., МГБ превратилось в МВД СССР (1953–1954 гг.), КГБ (1954–1991 гг.), МСБ (1991 г.), ЦСР (1991 г.), МБР, ФСК, ФСБ – с 1995 г. по наши дни. – Здесь и далее примечания автора.]. Те живо согнали население в гетто, расстреливали взрослых мужчин, женщин и подростков старше четырнадцати лет. Детей помладше отнимали у родителей, отправляли в детские дома по всему СССР. Народ хотели истребить вовсе, поэтому ребятам давали другие фамилии, в документах в графе национальность писали «русский», запрещали говорить на родном языке[2 - Пуштаны – народ, выдуманный автором. Но мы знаем печальные страницы истории, когда во время войны и после нее по приказу Сталина массово депортировались из родных мест

ингуши, чеченцы, этнические немцы, карачаевцы, балкарцы, калмыки, курды, хемшины, кумыки, аварцы, абазыны, тавлины, ногойцы... Список можно продолжить. Ни в чем не повинные люди были обвинены в предательстве, объявлены врагами СССР. Они массово погибали, очутившись в непривычных климатических условиях, умирали с голоду, не имея возможности заниматься тем, чем занимались их предки, многие были расстреляны.]. Да и с кем малышам говорить было? Власти следили, чтобы двух пуштанских детей в один приют не отправляли.

Но не все эмгэбэшники оказались жестокими палачами, кое-кто помогал пуштанам. Один из присланных из Москвы сотрудников по имени Семен влюбился в двадцатилетнюю Лизу Комани, и они стали уводить пуштанов тайными тропами из гетто. Елизавета и Семен спасли многих, но в конце концов он попался, его расстреляли, а Лизе удалось скрыться. Позже она вышла замуж за Анатолия Николаева, поменяла фамилию. Она выучилась сначала на медсестру, потом на врача, у нее родилась дочь Нина. Та выросла, стала женой Геннадия Петровича Николаева, семья переехала в Гидрозавод. О своем происхождении Елизавета Гавриловна никому не рассказывала.

Спустя какое-то время к Григорию Андреевичу Васькину, основавшему «Кинофабрику», приехала мать, Вера Дмитриевна, историк. Она сразу побежала в гости к Елизавете, и вот тут выяснилась правда: оказывается, Васькина пуштанка и она собирает материал для книги о своем народе. В процессе работы она выяснила, что Елизавета Гавриловна настоящая героиня, спасшая от смерти многих соплеменников. В далеком детстве Вера жила в соседнем с ней доме, прекрасно знала семью Комани, потом ее отправили в детдом, а все родные – отец, мать, старшие братья – погибли. Большую часть жизни она скрывала свое происхождение, у Веры Дмитриевны не осталось ничего памятного о близких: ни фото, ни какой-либо безделушки, ведь при отправке в интернат девочке не разрешили взять из дома что-либо, кроме одежды. Елизавета Гавриловна оказалась единственным человеком, с кем Вера Дмитриевна могла поговорить о прошлом. Ей это было очень нужно, ведь Васькина писала историю пуштанов, сидела в архивах, разыскивала своих сородичей.

К сожалению, Вера Дмитриевна умерла до выхода своего труда в свет. Григорий Андреевич попросил Ивана Николаевича издать книгу матери. Зарецкий не отказал, так и началась его дружба с Васькиным.

Глава 3

– Хорошо, что мне не довелось жить в сталинские времена, – поежилась я.

– С одной стороны, да, хорошо, – кивнул Иван. – Но с другой... В те годы в СССР царил невероятный энтузиазм, люди ощущали душевный подъем, свою причастность к происходящим историческим событиям, гордость за то, что живут в великой стране. Я порой завидую отцу и матери, мне бы тоже хотелось испытать такие чувства, с восторгом работать во славу отечества.

– Но ведь ты мог очутиться в лагере и валить лес, – вздохнула я. – Или бы тебя расстреляли как врага народа за нехоти рассказанный анекдот.

– Вернемся в нашу действительность. Когда Елизавета Гавриловна поняла, что после смерти зятя-профессора к ним подступает нищета, она стукнула кулаком по столу и навела порядок: велела организовать мини-отель. Теперь семья сдает гостевой дом приезжим, там четыре спальни и столовая-гостиная. Большой участок позволяет хозяевам не пересекаться с постояльцами, те входят на территорию через специальную калитку. Прислуги у Николаевых нет, Нина Анатольевна хлопочет по хозяйству, готовит гостям завтраки, а Катя и Алла убирают номера, стирают белье.

– Думаю, молодым женщинам это не особенно нравится, – заметила я.

– С Елизаветой Гавриловной не поспоришь, – улыбнулся Иван. – Возраст над ней не властен, в девяносто она сохранила бодрость, ум и здоровье. Да, небольшое уточнение: дом и сад принадлежат старухе. Семья перебралась в Гидрозавод давно, когда дети Николаевых были совсем крошечными, а Григорий Петрович имел звание только кандидата наук. Думаю, больших денег у него тогда не было, Елизавета же Гавриловна скопила некую сумму. В те времена недвижимость и земля в провинции почти не ценились, теще будущего профессора удалось приобрести участок и поставить на нем маленький дом. Зять быстро сделал карьеру на научном поприще, защитил докторскую и прошел путь от простого преподавателя до ректора университета Нижнегорска. Григорий Петрович возвел большой особняк, гараж, а старое здание превратил в домик для гостей, завел садовника, стал оплачивать все расходы. И тем не менее собственницей недвижимости оставалась Елизавета Гавриловна – новый просторный коттедж тоже был оформлен на ее имя. Посему у дамы

с родными разговор короткий: не нравятся мои требования – до свидания, собирайте манатки и сматывайтесь, никого насильно здесь не держу, я вас люблю, но кормить-поить бездельников не желаю. Думаю, Катя и Алла недовольны ролью горничных, но выбора у них нет. Красавицы давно уже не юны, обеим подкатывает к тридцати. Аллочка еще пытается принимать участие в конкурсах красоты, но звание «Мисс мира» нашей блондинке не светит. Катя продолжает рисовать модели одежды, хотя денег ей за это никто не платит. Небось внуки ждут, когда бабушка умрет, рассчитывают на завещание, надеются получить и дом, и участок, и деньги.

– Откуда у пожилой дамы такие средства? – удивилась я. – Сколько лет она на пенсии?

Иван развел руками:

– Ты, как всегда, права. Старуха давно не работает, и то, что Николаевы вынуждены содержать пансион, говорит об их не очень устойчивом материальном положении. Но по Гидрозаводу всю циркулируют слухи о сказочном богатстве Елизаветы Гавриловны. Якобы кто-то видел, как она сдавала в Москве в скупку роскошное кольцо... Это только сплетни, но, похоже, в них верят не только чужие, но и свои, поэтому ждут от бабки золота-бриллиантов. А та этим пользуется. Если кто из родни ее не слушается, она не злится, а просто тихо говорит: «Поступай как знаешь, но я сделаю выводы». Аллочка, например, собиралась выйти замуж за парня из местных. Нина Анатольевна у детей авторитетом не пользуется, она старшей дочери ничего запретить не могла, и девушка жениха чуть ли не в доме поселила. Собиралась уже подвенечное платье покупать, а потом – упс! Любовь лопнула. И Алла вскоре расписалась с Виктором. Все вокруг уверены: бабка внучке объяснила, что в случае брака с нищим помощи от нее не будет, имя счастливой новобрачной из завещания она вычеркнет. Арефьев же пришелся ко двору. Он, правда, зануда и зарабатывает копейки, но в перспективе у него маячит бизнес отца. У меня создалось впечатление, что Елизавета Гавриловна к внукам равнодушна, те у нее уважения не вызывают, к Олегу же она относится лучше. Во всяком случае, его единственного старуха не заставила работать в пансионе. А ведь даже Виктор, наследник владельца кинотеатров, обязан участвовать в семейном бизнесе: эрудит встречает гостей, привозит их в мини-гостиницу, провожает отъезжающих и возит тех, кто платит за услуги водителя. Одному Олегу позволительно в промежутках между не очень частыми съемками ничего не делать. И его жену Эллу, сироту из детдома, Елизавета Гавриловна встретила

приветливо. Вот такой расклад. Ну, пошли...

Зарецкий направился в сторону большого дома, я двинулась следом, удивляясь на ходу.

– Ты прямо исследование провел. Зачем столько информации о Николаевых собрал?

Иван остановился.

– Виола, дорогая, я же не мог поселить тебя в семье, не узнав, с кем рядом будет жить лучшая писательница России. Это опасно, люди всякие встречаются. Вдруг среди Николаевых есть бывшие уголовники? Я не мог оставить тебя в подобном обществе. Нет уж, сначала я должен был узнать, достойны ли они приютить Арину Виолову. И я их строго предупредил: никакого использования имени детективщицы в рекламных целях. Между прочим, за право получить тебя в постоялицы боролось несколько отелей.

– Значит, Николаевы выиграли тендер? – развеселилась я. – Почему?

Зарецкий остановился.

– Елизавета Гавриловна верная твоя фанатка, у нее в библиотеке собраны все твои книги. Нина Анатольевна тоже обожает тебя, она очень благодарна за то, что ты выбрала Олега в качестве режиссера-постановщика сериала. К тому же Николаевы предложили нам лучшие условия проживания: тебя не поселят в доме с остальными постояльцами, предоставят комнаты Геннадия Петровича в особняке, у них отдельный вход. Общаться с посторонними тебе не придется, трапезничать с ними вместе тоже. Тебя ждут именно как дорогую гостью. Захочешь с семьей вместе поужинать? Хозяева от счастья едва ли чувств не лишатся. Пожелаешь вкушать еду у себя? Принесут на подносе готовое. Решишь сама что-то приготовить? В тех апартаментах, где ты будешь обитать, есть кухня. У профессора дома на первом этаже была отдельная квартира со всеми удобствами, из нее можно как в другие помещения особняка пройти, так и в сад. Ученый любил одиночество, семейный уют ему порой осточертевал. Кстати, выяснить все о Николаевых оказалось просто – мне про них рассказал Григорий Васькин, который преклоняется перед Елизаветой Гавриловной, восхищается отважной, образованной пожилой дамой, считает ее героиней.

С Геннадием Петровичем у Васькина сложились прекрасные, дружеские отношения. Нина Анатольевна, вдова профессора, владельцу «Кинофабрики» тоже по-человечески нравится, он ее называет заботливой дочерью, самоотверженной супругой, чудесной матерью, всю себя отдающей семье. Об Олеге Васькин говорит сдержанно, но не ругает его, а вот Аллу и Катю он недолюбливает, девицы, по его мнению, самозабвенные лентяйки. Очень тихая, затюканная мужем и Елизаветой Гавриловной Элла вызывает у Васькина жалость. Григорий мне так о ней сказал: «Жена Олега прекрасный работник, ответственный, аккуратный, креативный. Но Элла очень похожа по характеру на свекровь – она тоже не способна настоять на своем, предпочитает подчиняться, чтобы, не дай бог, не вышло скандала. Не знай я хорошо Николаевых-младших, выросших на моих глазах, мог бы подумать, что именно Элла родная дочь Нины, а Катя с Аллой не пойми кто, в них-то ничего от матери нет».

– Ясно, – сказала я. – Спасибо тебе большое за заботу, хотя, думаю, в обычном отеле мне было бы проще.

– Виола, ты звезда, – запел Иван Николаевич, – поэтому в гостинице покоя не жди. Налетят фанаты, будут просить автографы, фотографии. Да еще актеры, приехавшие на разные съемки, примутся ломиться к тебе в номер и рекламировать себя гениальных. О производстве многосерийного сериала по твоим книгам известно всем, лицедеи захотят получить роль.

– Ладно, поняла, – сдалась я. – Но ведь я не обязана ужинать-завтракать с Николаевыми и вести с ними долгие разговоры?

Зарецкий взял меня под руку.

– Конечно, нет. Ты VIP-клиентка, хозяева должны обеспечить тебе наилучшие условия. Тебе ни в коем случае не надо чувствовать перед ними неловкость – ты благодетельница, предоставившая Олегу шанс стать полноправным режиссером, за одно это ему и его родным следует перед тобой ниц падать. Я знаю твою деликатность, поэтому предупредил всех домочадцев: будете приставать к звезде, в ту же секунду она покинет пансион.

– Ой, как странно! – воскликнула я.

– Что тебя поразило? – спросил Иван.

Я показала на особняк, к которому мы успели подойти совсем близко.

– Смотри: наружная лестница, напоминающая пожарную, сделана так, чтобы человеку было удобно и безопасно по ней ходить. Ступени окружены коробом из металлических прутьев. Я впервые вижу, чтобы подобное сооружение вело не на крышу, а к одному из окон второго этажа.

Зарецкий кивнул:

– Сам удивился, когда его впервые увидел, и весьма бестактно спросил у Нины Анатольевны, не кажется ли ей, что нелепая конструкция портит внешний вид здания. И в чем смысл штуки, смахивающей на гигантскую птичью клетку? Она ответила: «В детстве я стала свидетельницей страшного зрелища: горел двухэтажный жилой дом, и одна женщина, спасаясь от огня, выпрыгнула на моих глазах в окно. Вроде невысоко было, но несчастная разбилась насмерть. С той поры я панически боюсь, что случится пожар, а я не смогу спастись. Эта фобия сильнее меня, поэтому я попросила соорудить лестницу, ведущую к окну моей спальни. Муж и мама посмеялись надо мной, но спорить не стали».

– Детские впечатления самые сильные, – кивнула я, – у каждого свой кошмар. Я вот, например, трясусь от страха, садясь в самолет. Лестница выглядит уродливой, но если она нужна для спокойствия хозяйки, то ее внешний вид значения не имеет.

Глава 4

Первые три дня все шло, как обещал Зарецкий. Я вставала в девять утра, пила кофе, завтракала в своей комнате, пыталась писать новый роман, потом садилась в машину, ехала на съемки или на пляж. Хозяева старались быть невидимками. Поднос с едой притаскивали, когда я принимала утрое душ, комнаты убирали в мое отсутствие, белье меняли каждый день. На стол в кабинете ставилась ваза с букетом, на тумбочке у кровати я ежевечерне находила шоколадки и тарелку с фруктами. Халат и полотенца в ванной

радовали мягкостью, шампунь и гель для мытья в маленьких бутылочках были хорошего качества.

В среду в мою дверь робко постучали. В ответ на мое разрешение войти появилась Нина Анатольевна и, краснея и заикаясь, робко заговорила:

– Глубокоуважаемая Виола Ленинидовна, простите за бесцеремонность, не считите за нахальство... Разрешите пригласить вас сегодня на день рождения Елизаветы Гавриловны. Моя мать обожает ваши книги и мечтает увидеть вас.

– Да, конечно, – согласилась я, – непременно буду. А где состоится торжество?

– Мы хотели устроить его дома, но наш друг Григорий Андреевич Васькин, владелец «Кинофабрики», решил затеять, как всегда, масштабное мероприятие. Сбор в пять вечера в ресторане «Долина». И, пожалуйста, не покупайте подарок, ваше появление – наилучший сюрприз.

Но я, конечно, не послушалась совета хозяйки, скаталась в Нижнегорск и приобрела в ювелирном магазине красивую цепочку с медальоном. Заодно сделала прическу, так что пришла на праздник при полном параде и впервые увидела пожилую даму.

Внешний вид старухи поразил меня до глубины души: не знай я возраста именинницы, могла бы подумать, что ей от силы лет шестьдесят пять. Старейшина семьи сохранила стройную фигуру, прямую спину, четкость ума и речи. На все поздравительные оды она отвечала стоя, с юмором. На Елизавете Гавриловне было темно-красное платье-футляр. Оно подчеркивало тонкую талию и красивые бедра, одним словом, наряд сидел безупречно. Со спины весьма пожилую даму можно было принять за тридцатилетнюю, регулярно занимающуюся спортом женщину. Ноги Николаевой обтягивали прозрачные колготки, и поверьте, никаких следов варикоза я не заметила, туфли у Елизаветы Гавриловны были на девятисантиметровой шпильке. В какой-то момент героиня вечера уронила крохотную сумочку и, прежде чем окружающие среагировали, легко наклонилась, подняла клатч с пола.

– Ваша мама выглядит моложе многих присутствующих, – сказала я стоявшей рядом вдове профессора.

– О да! – воскликнула та. – Она никогда не курила, не увлекалась алкоголем, ведет здоровый образ жизни, до сих пор каждый день занимается в спортзале с инструктором, и вот результат. Mamочка пример для всех. К тому же она настоящая героиня – спасала людей и никому об этом не рассказывала. Правда о ее прошлом выяснилась случайно не так давно. Знаете, Виолочка, я просто обомлела, когда узнала, что являюсь пуштанкой. Ведь никогда ранее об этой национальности не слышала, считала себя русской, православной, а пуштаны-то исповедуют религию, отдаленно напоминающую буддизм. И дети, конечно, остолбенели от этой новости. Налетели на бабушку, стали ее упрекать: «Почему ты молчала, правду о наших корнях утаивала?» Трудно было им, рожденным в конце двадцатого века, объяснить про страх советских людей перед спецслужбами, ребята в других условиях были воспитаны. Я очень удивилась, когда Элла, ровесница Кати, сказала: «Бабушка боялась не только за себя, но и за семью. Вдруг в России опять власть поменяется, коммунисты новый переворот устроят, на пуштанов снова гонения начнутся? Лучше было, чтобы вы русскими считались по национальности». Эллочка умная девочка.

На следующий день я, поблагодарив хозяйку за приглашение на праздник, завтракала с Ниной Анатольевной и Елизаветой Гавриловной. У нас установились добрые отношения, и теперь утром и вечером я трапезничаю вместе с хозяевами.

Нина Анатольевна неплохо готовит, но дочери вечно ее критикуют. Она старается не жарить мясо, не подает колбасу-копчености-соленья-маринады. Сахар заменила на мед, конфеты на сухофрукты, пироги-торты не печет. На мой взгляд, кабачковые оладьи, куриная грудка на пару, отварная цветная капуста, салат, заправленный смесью оливкового масла с лимонным соком, – пища вкусная, но Катя с Аллой недовольно фыркают и называют мамину стряпню «ужас в тарелке». Обе дочери постоянно вспоминают покойного отца, захлеб рассказывают, как тот жарил на сале картошку, ел свиные отбивные, куриные крылышки в кляре. Нина Анатольевна хватается за голову и бормочет:

– Девочки, папа курил паровозом, мало двигался, не ходил на профилактические визиты к врачу. Не стоит брать с него пример.

Обе доченьки считают мать душой и, не стесняясь, говорят ей в лицо:

– У тебя своего ума нет. Да и откуда ему взяться, ты же никогда нигде не работала, дальше кухни не выходишь, книги в руки не берешь. С какой стати

нам лекции о здоровом образе жизни читаешь? Что ты в правильном питании понимаешь? Разве у тебя диплом диетолога?

Если мать пытается спорить с гарпиями, робко говорит: «Я вела домашнее хозяйство, воспитывала вас, это самая нужная и трудная работа. И я телевизор смотрю, Интернетом пользуюсь, много чего узнала», – Катя и Алла начинают хохотать. А потом заявляют:

– Лучше не хвастайся, что черпаешь сведения из зомбоящика и с тупых сайтов.

Когда доченьки начинают клевать мать, Олег и Виктор помалкивают, а Элла всегда пытается защитить Нину Анатольевну, за что моментально слышит от сестриц: «Ты подлиза-подхалимка!» Но распоясываются Катя и Алла только в отсутствие Елизаветы Гавриловны, если она восседает во главе стола, обе девицы сидят тише воды, ниже травы и преданно смотрят старухе в рот. На глазах у нее капризницы молча съедают любые блюда и даже отпускают матери комплименты.

Один раз, когда глава семьи не успела спуститься к ужину, Катя стала делать матери едкие, злые замечания. Добрая доченька покритиковала еду, затем принялась язвить по поводу манеры Нины Анатольевны одеваться.

Я чувствовала себя не в своей тарелке: молча слушать гадости Кати, значит, соглашаться с ними, но затевать спор с ней считала неприличным. Я ерзала на стуле, думая, как бы побыстрее сбежать, и тут загремел голос Елизаветы Гавриловны:

– Немедленно замолчи!

Скандалистка вздрогнула, обернулась и мигом захлопнула рот. Старуха опустилась на свое место и обратилась ко мне:

– Простите, Виола, бестактность Екатерины. Она подвержена немотивированным приступам истеричного раздражения. Работать ей больше надо! Когда человек занят трудом, у него времени на скандалы нет.

Потом Елизавета оглядела притихшую родню.

– Не стоит забывать: вы – Николаевы, у нас безупречная репутация в обществе. Мне все равно, как вы друг к другу относитесь, но при посторонних должны выглядеть любящими и уважительными родственниками. Не смей позорить нашу семью!

– Да, бабуля, – хором ответили внучки и заискивающе улыбнулись.

Но меня выражение их лиц не обмануло. Я уже успела понять, что у девиц нет ничего общего, они постоянно цапаются, как дворовые кошки, делящие территорию подвала, объединяет их только одно: презрение к матери. Глядя на дочурок Нины Анатольевны, я несколько раз ловила себя на крамольной мысли, что отсутствие детей вовсе не горе. Генетика – лотерея, и неизвестно, какой билет ты вытащишь из закрытой коробки. Родишь ребенка, будешь о нем истово заботиться, вложишь в него массу сил и денег, урезая себя во всем, чтобы он получал игрушки, одежду и должное образование, потом наплюешь на свою карьеру и найдешь подработку в трех местах, влезешь в ипотеку, чтобы купить отпрыску отдельную квартиру, а в конце концов услышишь от него: «Мать, ты меня перед друзьями позоришь, вечно глупости несешь. Перестань ко мне в гости таскаться, хватит советы давать, я уже взрослый, без тебя прекрасно проживу...»

Нет, на свете много людей, которые любят своих родителей, почитают их, но риск, что в заботливо поливаемом тобой огороде вырастут такие вот Катя с Аллой, существует. Как сделать так, чтобы сын или дочь относились к родителям с нежностью? Понятия не имею, не спрашивайте об этом.

– Виолочка, вы устали? – донеслись до меня слова Нины Анатольевны.

Я встрепенулась, прогнала ненужные мысли и ответила:

– Есть немного. Спасибо за чудесный ужин, пойду спать, завтра мне рано вставать.

– Принести вам на ночь травяной отвар? – засуетилась хозяйка.

Я не успела ответить. Большая люстра, висевшая на витой цепи, вдруг мигнула и погасла.

– Бли-ин, – протянула Алла, – электричество вырубili.

– Сейчас аварийный генератор включится, – успокоила я ее. – Он у вас установлен на улице возле лестницы, которая к окну Нины Анатольевны ведет. И, судя по размеру, агрегат очень мощный.

– Да он постоянно не работает, – заканючила Алла.

– Из него масло течет, а какой-то нужной детали у мастера не оказалось, теперь он только в понедельник подъедет, – жалобно сказала Нина Анатольевна. – Ой! Свет дали!

Я встала.

– Ну вот, а вы расстраивались. Спокойной ночи. Спасибо, мне не хочется пить.

– Отдыхайте, дорогая, – сказала хозяйка дома. – Если что понадобится, сами не ходите. Вы же помните, что у нас работает внутренняя связь? Берете городской телефон, нажимаете кнопку с надписью «int», потом единичку, и я вам из кухни отвечу.

Вернувшись в отведенные мне покои, я решила принять душ, пошла в ванную и поняла: тот, кто сегодня приводил санузел в порядок, забыл поставить на полочку гель, шампунь и прочие средства. Вызывать Нину Анатольевну по телефону, как горничную в отеле, показалось мне невоспитанным, лучше все-таки самой сходить к ней. Я вошла в столовую, увидела Эллу со свекровью, склонившихся над столом, и сказала:

– Простите...

Женщины отпрянули в разные стороны. Стало понятно, что смотрели они на аппетитный темно-коричневый кекс в центре овального блюда. Мысли о геле для душа сразу улетучились из моей головы.

– Обожаю кексики! – воскликнула я. – Ммм, какой чудесный десерт... Нина Анатольевна, кажется, я зря отказалась от вашего травяного отвара. Налейте чашечку? Отрежете кусочек кекса? Он упоительно пахнет.

– Э... э... э... – забормотала Нина, – Виолочка... уж простите... э... э...

– Это не кекс, – сказала Элла, – обычная коврижка. Свекровь ее не сама пекла, купила в кондитерской «Веселый эклерчик» на нашей улице. Виолочка, нам не жаль вас угостить, но вам не понравится выпечка без дрожжей и яиц, очень постная, с начинкой из чернослива. Лучше угощу вас халвой.

– Не люблю ее, – поморщилась я. – А насчет коврижки вы не правы. Приехав в ваш город, я сразу заметила «Веселый эклерчик». Название понравилось, заглянула туда, кондитерша, кажется, ее Ларисой зовут, посоветовала выпить чаю и дала мне попробовать эту, как она сказала, «черносливку». Коврижка оказалась восхитительной. Я хотела купить целую, но ее не было в наличии. Лара пояснила, что к вечеру ассортимент оскудевает, народ расхватывает самое вкусное днем. Кстати, эта начинка моя любимая.

– Виолочка! Не могу вам отрезать кусочек! – с отчаянием воскликнула Нина Анатольевна. – Понимаете, мама велела купить ей целую и подать на ночь в спальню с чаем. А у Ларисы осталась всего одна штука. Если я не выполню приказ Елизаветы Гавриловны, она обидится. Притащить ей половину десерта и вовсе нельзя – мама рассердится, скажет, что я объедки принесла. Простите, пожалуйста, что отказываю вам!

Я смутилась.

– Это вы меня извините, как ребенок, угощение выпрашиваю... Ни в коем случае не покушаюсь на то, что куплено для Елизаветы Гавриловны.

– Ой, как неудобно! – запричитала вдова профессора. – Но мама... она иногда бывает капризной... наверное, возраст сказывается...

– Бабушка очень обижается, если ее пожелание не выполняют, – вступила в разговор Элла. – Виолочка, завтра обязательно куплю вам «черносливку».

– Ну что вы, не надо, – возразила я. – Да и не стоит лопать на ночь выпечку, это плохая привычка, стану размером со слона.

– Знаете, сколько вам съесть надо, чтобы стать хоть отдаленно похожей на слона? – засмеялась Элла. – С такой фигурой спокойно можно в кровати десять штук пирожных умять, и ничего плохого не случится. Честно говоря, я вам по-доброму завидую.

В столовую вошла Катя и тут же воскликнула:

– Ой, коврижка! Почему ее на ужин не подали? Очень хочу сладкого.

– Это для бабушки, – снова пояснила Нина Анатольевна.

– Вот оно что... – процедила сквозь зубы Екатерина. – Вкуснятину теперь из-под полы раздают? Родным дочкам фигу, лучшее для старухи оставлено?

– Боже, ты все неправильно поняла, – начала оправдываться мать, – просто бабуля попросила купить ей «черносливку».

– Почему всем не купили? – надулась Катя. – Отчего не подумали, что мне тоже полакомиться захочется?

– Детонька, – залебезила мать, – вчера все ели пирожные, человеку необходимо разнообразие, нельзя питаться однообразно.

– Ага, бабка во время прошлого ужина лопала эклеры с корзиночками, – пошла в атаку Катя. – Но ей сегодня опять сладкое приготовили, а другим нет.

– Солнышко, я забочусь о твоём здоровье, – запела Нина Анатольевна, – один день бисквит с кремом, потом перерыв, завтра испеку морковный торт.

– Блевотина! – топнула ногой дочурка.

– Ты плохо себя чувствуешь? Тебя тошнит? – испугалась мать. – Сейчас заварю желудочный сбор.

Но Екатерина остановила ринувшуюся на кухню Нину.

– Нет, мама, это твой бисквит из моркови блевотина. Его и умирающий с голодухи не сожрет. Странно, однако, что отсутствие сегодня десерта связано с заботой о моем здоровье, а бабке ты собралась кекс припереть. Можно сделать вывод: ты обожаешь доченьку...

– Конечно, солнышко, я люблю тебя больше жизни, – кивнула Николаева.

– А свою мамашу ненавидишь, убить хочешь, – договорила девушка.

Нина Анатольевна ойкнула, схватилась ладонями за щеки и пролепетала:

– Ужас говоришь! Придет же такое в голову...

– Нет, – надела на нее Катя, – все логично. Родной дочке не даешь коврижку, так как она испортит мне желудок, а Елизавете Гавриловне ее несешь. Зачем? А чтобы вредная старуха, от самодурства которой житья нет, в ящик побыстрее сыграла. Так получается.

Нина Анатольевна покраснела. Катя рассмеялась, схватила блюдо и заявила:

– Я сама нашей императрице отволоку угощение, погляжу, как у нее рожа при виде меня перекосится. Люблю дразнить бабулю, наш цветочек от злости пожелтеет, когда обожаемая внученька к ней в покои войдет.

– Нет, нет, поставь! – потребовала Элла. – Не трогай!

Екатерина вскинула брови.

– Это почему?

– Ну... просто не бери, – проямлила невестка.

Катя вскинула подбородок.

– Еще чего! Решила мне указания раздавать? Считаешь себя тут главной? Хочешь меня в угол загнать? Зубы скалишь?

– Катюша, я тебя люблю, – залепетала Элла, – только скандала опасаясь. Бабуля увидит тебя и...

– Лопнет от злости, – договорила Катя. И улыбнулась: – А мне того и надо!

– Оставь «черносливку», – хором произнесли Нина Анатольевна и Элла.

– Отвяньте! Что хочу, то и делаю! – объявила Катя и ушла с блюдом.

Николаева покосилась на меня и, теребя в руках край скатерти, забормотала, оправдывая грубиянку:

– Виолочка, поверьте, Катя обожает бабушку. Понимаете, у молодежи своеобразное чувство юмора, и шутки дочки могут показаться вам... э... странными... но... э... в действительности она глубоко уважает и Елизавету Гавриловну, и меня. В девочке до сих пор живет подросток... она по каждой ерунде спорит не со зла... просто так... И вообще... Катюша всех в семье любит без памяти... она чудесный человек... Правда, Элла?

– Да, да, – подхватила невестка, – сейчас Катя шутила, Елизавета Гавриловна очень обрадуется, когда ее увидит.

Раздался громкий стук.

– Уфф... – выдохнула Нина Анатольевна. – Похоже, дверь в спальню мамы хлопнула.

– Ну вот, – обрадовалась Элла, – значит, Катюша уже бабуле сладкое доставила.

– Думаешь, не стоит переживать? – неожиданно спросила Николаева.

– Конечно, нет, – засмеялась невестка, – Катюша не станет безобразничать.

– Эллочка, проверь, отдала ли она бабушке десерт, – велела Нина Анатольевна.

Жена Олега молча побежала к лестнице.

– Спокойной ночи, – пробормотала я и поспешила к себе, забыв про гель, шампунь и все прочее.

Глава 5

Едва я вошла на отведенную мне территорию, как в кармане брюк затрезвонил мобильный. Меня разыскивала пиарщица «Элефанта» Варя Романова, давно ставшая мне близким человеком.

– Ты – подружка! – заявила она, забыв поздороваться.

– Да, – удивилась я. – А что, возникли сомнения в наших хороших отношениях?

– Ты – подружка, – повторила Романова. И зачастила: – Нужны точные мерки – объем груди, талии, бедер, длина рукава и юбки. Ой, чуть не забыла! Как ты относишься к розовому? Мы решили сделать его основным цветом.

Я наконец сообразила, почему Варя так странно со мной разговаривает: она явно перепутала телефоны и обсуждает чей-то наряд для презентации.

– Варюша, ты набрала неправильный номер, попала к Таракановой...

Но собеседница, перебив меня, произнесла еще более странные слова:

– В моем положении вообще-то женщины глупеют, но я пока еще в адеквате. Привет, Вилка. Ты – подружка, цвет розовый. Не против?

– Не против чего? – окончательно растерялась я.

– Цвет нравится? – рассердилась Варя. – Тогда бери сантиметр.

– В принципе, да, нравится, – осторожно ответила я. – А зачем нужны мерки?

– Господи, ну как с тобой разговаривать? – вскипела Романова. – Разжевала тебе все, объяснила семь раз. И что? Повторяю снова: надо платье тебе купить.

Я ничего не поняла.

– Какое?

– Для подружки.

– Чьей?

– Моей! – заорала Варя. – Ну вот, в моем положении нужны только положительные эмоции, а я нервничать начала.

– Ты беременна? – неуверенно предположила я.

– Да!

– Поздравляю, – обрадовалась я.

– Так, – протянула Варвара, – ясненько, ты опять не прослушала автоответчик.

– Есть грешок, – забормотала я, – забываю его включать.

Романова издала стон.

– А я-то распиналась, детали описывала... Тараканова, ау, ты здесь?

– Ну конечно, держу трубку около уха, – заверила я.

– Выбрось из головы всякие другие мысли, встрепенись и слушай внимательно, – приказала подруга. – Я жду ребенка. Мы с Мишей решили пожениться. Свадьба через месяц. Ты подружка невесты, всего вас четверо, основной цвет праздника розовый. Мое платье белое, а платья подружек – цвета зари. Теперь разобралась?

– Да, мерки пришлю, спасибо за приглашение, очень рада за вас с Мишей.
Что вам подарить? – на одном дыхании выпалила я.

– Подожди с презентами, есть более значимые проблемы, – сказала Варечка. – Размеры нужны сегодня, времени мало, если не успеем подготовиться в срок, торжество не состоится, потому что я не влезу в подвенечный наряд. Ты не представляешь, живот увеличивается с пугающей скоростью. Похоже, я рожу слона!

– Сию секунду возьму сантиметр, – пообещала я.

– Отлично. И закажи билет, – продолжала Варя, – мы всем оплатим дорогу, но каждый сам покупает проездной документ.

– Праздник не в Москве? – удивилась я.

– В Каргополье, на родине жениха, – объяснила Романова. – У Миши сто пятьдесят тысяч родни, и если она вся в столицу потянется, мы разоримся на гостинице и ресторане. А в Каргополье тети-дяди пир горой сами организуют. Для них это дело чести, там принято праздниками меряться, у кого круче. Из Москвы в этот замечательный край ходит фирменный поезд «Лабуда».

– Отличное название, – захихикала я.

– Не вздумай при моей новой родне на эту тему шутить! – предостерегла Варя. – Обидишь насмерть – лабуда их национальное блюдо. Поезд раз в неделю по четвергам утром укатывает из Москвы и в пятницу вечером на месте.

– Долго как ехать... – загрустила я. – Варюша, лучше я полечу самолетом, хоть и боюсь его до трясучки. Понимаю, что вы оплачиваете билеты, по железной дороге дешевле, но можно я сама оплачу свой перелет? Неохота почти двое суток на полке трястись, да еще неизвестно, кто в соседях окажется.

Романова тихо кашлянула.

– Вилка, в Каргополье даже на метле не приземлится, там нет аэропорта.

– Ерунда, – засмеялась я, – справлюсь со своим страхом и долечу куда можно, потом возьму такси до места.

Варвара издала стон.

– От города Олегов, где садятся авиалайнеры, на рейсовом автобусе семь часов езды до Каргополя. Причем учти, тамошний транспорт совсем не тот, на котором из Парижа в Милан катаются – с биотуалетом, кондиционером, буфетом и остановками в интересных городках. Тебе придется сесть в страшный полуразвалившийся рыдван, сортир в придорожных кустах, для приятного сквознячка раскрытые окна, куда пыль с трассы летит. Остановок будет много, в каждой деревне. Одна бабка с козой выйдет, другая с поросенком сядет. Ездила когда-нибудь рядом с хрюшками?

– Нет, – честно ответила я.

– Лучше и не пробуй, – отрезала Романова, – не понравится. Не из экономии про поезд говорю, просто это наиболее приемлемый в данном случае транспорт. Кстати, в составе есть вагон под названием «сингл-бизнес», в нем всего два купе, оба одноместные, с душем, туалетом, рукомыльником. Поедешь царицей. Утром завалишься на полку, никаких соседей, лежи, пиши новый роман, читай, проводники по звонку прибегут. Поверь, полный кайф! Отдохнешь в пути. Или без помех поработаешь.

– Ладно, – сдалась я, – лучше полтора дня в комфортных условиях, чем семь часов в компании с поросятами и козами. И, откровенно говоря, самолет меня очень пугает.

– Правильно решила, умница, – похвалила Варя. – А, я забыла еще один довод привести: местный автобус может сломаться. Тогда кранты, застрянешь в деревне неизвестно насколько, пока покойника реанимируют.

Глава 6

Утром, когда я спустилась в столовую, там уже сидели Элла, Олег, Виктор, Алла и Нина Анатольевна.

– Виолочка, – засуетилась хозяйка, – хотите какао? На соевом молоке. Налить кружечку?

– Чашку, – неожиданно сказал Витя Арефьев.

– Прости, дорогой, ты о чем? – не поняла теща.

– Кружка – высокий полый сосуд из разнообразных материалов емкостью более двухсот пятидесяти миллилитров. Чашка – низкий полый сосуд небольшого объема, менее двухсот миллилитров, – пробасил зять. – Слова «кружка» и «чашка» не синонимы. Сейчас на столе представлены чашки. Поэтому, Нина Анатольевна, Виоле Ленинидовне надо предложить чашечку какао.

– Ага, – пробормотала хозяйка, – ты, наверное, прав.

– Сам путал посуду, – признался Виктор, – но перед Новым годом готовился к конкурсу «Знаток фарфора», тогда и прочитал материал.

– Ага, – повторила Нина Анатольевна, – ну... конечно...

– Мама, что за ерунда? – воскликнула Алла. – У меня вилка лежит справа!

Нина прикусила губу.

– Да? Разве это плохо?

Аллочка покраснела от злости.

– Плохо? Да это безобразие! Полное незнание сервировки! Справа должен быть нож, а вилка слева. Повторяю: вилка – слева! Сто раз объясняла, как правильно класть приборы, и все впустую, у тебя в голове ничего не задерживается. Купи книгу по этикету, законспектируй, потом все наизусть выучи. А то стыдоба! Еще ты бумажные салфетки всем на тарелки бросаешь.

– Разве нельзя? – прошептала Николаева.

– Нет! – завопила дочурка. – Нет, нет и нет! И хлеб кладут в корзинку, а не на овальное блюдо. Мы жрем, как в рабочей столовке завода резиновых клизм! Кстати, откуда такая мерзотная скатерть?

– Мне она показалась красивой, – сказала Нина Анатольевна, – с колокольчиками.

Алла скорчила рожу.

– На ней олени, Дед Мороз и елка. То есть она предназначена для Рождества и встречи Нового года, а у нас на дворе август. Ку-ку, мамуля, лето за окном!

Глаза Нины Анатольевны налились слезами.

– После завтрака поменяю. Можно постелить желтую с цветочным орнаментом. Подойдет?

Аллочка выдохнула, ее щеки побледнели, злоба испарилась.

– Да. Прекрасный выбор. Мамуля, сегодня вкусный салат из моркови, удался на славу.

– Правда? – мигом повеселела хозяйка. – Вкусно?

– Восхитительно! – воскликнула дочь. – Заправка на высшем уровне. Ты гениально готовишь!

Нина Анатольевна расцвела.

И тут Виктор откашлялся.

– К вопросу о сервировке. Блюда следует...

Лицо тещи вновь стало несчастным. Я решила вмешаться:

– Какие роскошные орхидеи! Украшение для царского стола!

– Это Элла их выращивает, – объяснила Нина Анатольевна. – Видите, сколько цветов повсюду? Невестка гениально пестует растения.

– Я заметила в глубине сада оранжерею, – кивнула я, – но она оказалась заперта.

– Жена Олежека никого туда не пускает, – сказала Нина Анатольевна, – говорит, цветы посторонних боятся.

– У них есть душа, – подхватила Элла. – А дверь я всегда закрываю, потому что разница температур может убить орхидею. В помещении поддерживается специальный климат, а если постоянно впускать внутрь воздух с улицы, может беда случиться. Виолочка, хотите устройю вам экскурсию в дом моих растений?

– Не советую соглашаться, – вмешалась Нина Анатольевна. – Я один раз сунулась в оранжерею и еле жива осталась. Там нечеловеческие условия – жара, влажность, пахнет nepотpeбнo. Больше я туда ни ногой. И вам, Виола, не советую, задохнетесь.

В комнату бодрым шагом вошла Елизавета Гавриловна.

– Что сегодня на завтрак? Если белковый омлет, то мне не надо. В кои-то веки моя дочь права – в оранжерее действительно нечем дышать, я там тоже чуть в обморок не упала, больше туда не заглядываю.

– Бабушка! – подпрыгнула Элла.

– И что тебя так удивило? – прищурилась старуха.

– Нет, ничего, – пробормотала та, – просто...

– Просто что? – продолжала допрос старуха.

– Бабулечка, у тебя кофта задом наперед надета, – вступила в разговор Алла, – карман на спине оказался.

Элла шумно выдохнула, взяла со стола бутылку минеральной воды, сделала несколько больших глотков прямо из горлышка и произнесла:

– А я постеснялась про блузку сказать.

– Подумаешь! – фыркнула Елизавета Гавриловна. – Не голая же перед вами появилась, ничего страшного.

– Конечно, нет, бабулечка, – подобострастно согласилась Алла.

– Вот и ладно, – улыбнулась старуха. – Так чем тут угощают?

– У нас сегодня геркулесовая каша с курагой, – ответила Нина Анатольевна.

– А где Катя? – перебила ее пожилая женщина.

Нина посмотрела на пустой стул.

– Наверное, умывается.

– Кто постояльцам завтрак отнес? – добавила металла в голос бабка.

– Я, – пискнула Нина Анатольевна.

– Почему ты, если это обязанность Екатерины? – спросила старейшина семьи.

– У Катюши вчера голова болела, – начала выгораживать дочку мать, – она плохо себя почувствовала, затемпературила...

Бабка стукнула ладонью по столу.

– Хватит! Олег, ступай и растолкай лентяйку, вели ей немедленно явиться сюда, прямо как есть!

Внук молча встал и двинулся к лестнице.

– Я с тобой, – кинулась за ним Элла. – Неудобно получится, если Олежек один пойдет, а Катенька вдруг голая.

– Полагаешь, он ее красоты испугается? – хмыкнула бабка. – Нина, неси кашу.

– Затируху, – уточнил эрудит Арефьев.

– Ты о чем? – удивилась Елизавета Гавриловна.

– Блюдо приготовлено Ниной Анатольевной из цельного, заранее замоченного овса, – забубнил победитель конкурсов знатоков, – оно называется затируха и в наше время не популярно. Каша же...

– Можешь дальше не продолжать, – остановила его бабушка, – по мне так, что лошадь, что кобыла, все едино.

– Нет, – не успокоился Витя, – лошадь – это вид животного, кобыла – самка лошади, а самец – жеребец. И...

– А-а-а-а! – раздался со второго этажа крик. – А-а-а-а!

Мы с Ниной Анатольевной одновременно вскочили и хором воскликнули:

– Что случилось?

– Наверное, Элла мышь увидела, – ухмыльнулась Алла. – Она их до жути боится, а Катька ее пугает. Сестра купила в зоомагазине искусственных полевок, на настоящих один в один похожих, их выпускают для кошек, чтобы те играли. Катерина эти муляжи в коридоре у своей двери или в холле раскладывает, Эллка видит и орет. Анекдот просто!

– Скорей... скорей... там... помогите, – зашептала Эллочка, вбегая в столовую. – Там... на полу...

– Знаем, мышка, – заржала Алла.

– Нет, Катя... – еле слышно пролепетала Элла, закатила глаза и, цепляясь за буфет, сползла на ковер.

Елизавета Гавриловна вскочила и полетела к лестнице, я ринулась за ней.

Спальня Катерины оказалась большой, с четырьмя окнами. Мебель была в стиле «мечта маленькой принцессы», кровать стояла в самом центре, и над ней колыхался розовый балдахин с золотыми кистями. Занавески радовали глаз вышитыми на них мишками. Не зная, кто тут живет, я бы подумала, что в комнате поселилась первоклассница, которую обожают и балуют взрослые.

– Солнышко, что случилось? – закричала Нина Анатольевна, кидаясь к лежащей на полу Кате.

Олег, стоявший неподалеку от тела сестры, схватил мать за плечо.

– Не надо.

– Катенька заболела? – испуганно спросила Нина.

– Нужно вызвать полицию, – мрачно заявила Елизавета Гавриловна, войдя в помещение.

– «Скорую помощь»! – закричала Нина Анатольевна. – Катюша в обмороке!

– Олег, уведи мать, – приказала старуха. – Алла, Виктор, ступайте в столовую и ждите там.

– Да, бабушка, – прошептала внучка.

– Виола Ленинидовна, вы со мной, – скомандовала бабка. – Ты, Элла, встань у двери и никого не пускай внутрь до особого разрешения. Когда приедет Семен, пусть сначала зайдет ко мне.

– Хорошо, – пролепетала жена Олега. – Можно я сяду в коридоре на стул? Ноги трясутся.

Старуха сдвинула брови, потом, вдруг сменив гнев на милость, кивнула:

– Конечно. Только никому не разрешай в спальню Екатерины входить.

Елизавета Гавриловна выплыла в коридор, я последовала за ней. Комната, куда мы пришли, напоминала библиотеку – две стены были заняты полками с книгами, в углу стоял шкаф со стеклами, затянутыми занавесками. Старуха подошла к нему и открыла дверцы. Я увидела собрание своих сочинений, причем не в одном экземпляре.

– Собрала все ваши издания, – объявила пожилая дама, – у меня полная коллекция.

– Надо же, у вас есть даже книги, которые никогда не продавались, а раздавались фанатам, победившим в разных издательских конкурсах! – изумленно сказала я.

Елизавета Гавриловна села в кресло и показала мне на маленький диван.

– Устраивайтесь... Ваня Зарецкий уламывал меня написать воспоминания о тех годах, когда мы с Семеном пытались спасти хоть кого-то из пуштанов, да я отказалась – память уже подводит, к тому же составлять складно текст не умею. Тогда настырный Иван предложил другой вариант: надо все рассказать Арине Виоловой, она прекрасную повесть напишет.

– Впервые об этом слышу, – пробормотала я. – Извините, Елизавета Гавриловна, я с огромным удовольствием поговорю с вами, но чуть позднее.

– Почему не сейчас? – спокойно спросила старуха. – Много времени я не отниму.

– Надо спуститься вниз... – пробормотала я.

– Екатерина умерла, – остановила меня хозяйка, – врач ей не надобен. Остальные, когда узнают, что случилось, в истерику впадут, будут рыдать-вопить.

Я с изумлением смотрела на старуху. У нее железное самообладание или ей плевать на кончину внучки? Обычно пожилые люди плохо справляются с ударами судьбы, нервная система у них барахлит. Но у Елизаветы Гавриловны сейчас нет ни малейшего следа ужаса или паники, впрочем, незаметно и горя.

– Книгу для «Элефанта» я писать не стала, – как ни в чем не бывало продолжала пожилая дама, – но из чистого любопытства взяла в руки детектив Виоловой и – увлеклась. Теперь я ваша верная почитательница, собрала все произведения, а также интервью и диски с телепрограммами, где вы принимали участие. Кстати, можно звать вас Вилкой?

Я кивнула.

– Вы постоянно говорите: «Отчество «Ленинидовна» трудное, его перевирают на разные лады, лучше обращаться ко мне просто: «Вилка». – Елизавета Гавриловна усмехнулась. – Но, полагаю, вам неприятно напоминание об отце, не лучший он человек. Я его откровения в прессе прочла и вот что скажу: врет он много. Хотя бог с ней, с ложью, большинство так называемых «звезд» записные вруны, у многих в биографиях концы с концами не сходятся. Вот, например, актриса Инна Никина. Такую жалостливую историю о себе прессе поведала: воспитывалась в детдоме, ее там били-унижали... А в другом интервью на каком-то телеканале запела: мама у нее графиня из древнего рода, отец князь. И чему верить? Но ты так не делаешь... Кстати, давай я перестану «выкать»? Возраст мой позволяет с молодыми женщинами без церемоний общаться.

Я опять кивнула.

– Сейчас сюда прискачет начальник полиции Семен Егорович Баков, – скривилась Елизавета Гавриловна. – Нашей семье до славы Арины Виоловой далеко, но в Гидрозаводе и Нижнегорске мы, как сейчас пишут газеты, «селебретис». Я почти до ста лет дожила, с ума не сошла, хожу самостоятельно, слюни не пускаю, уже по этой причине моя личность интерес вызывает. Геннадий, муж Нины, был ректором вуза, доктором наук, а для провинции человек, защитивший диссертацию и получивший вдобавок профессорское звание, элита. Поэтому Баков не просто сотрудников пришлет, сам явится. Но вот тут закавыка...

Елизавета Гавриловна сложила руки на груди.

– Екатерина нашла себе любовника – молодого, богатого, всем хорошего, но... женатого. Зовут героя ее романа Анатолий Фирин. Я разок попыталась с внучкой поговорить, объяснила ей: на чужом несчастье своего счастья не построишь, даже если женится Толя на тебе, ничего хорошего не получится, не сироти малышей. Но она душой прикинулась: «Бабулечка, не понимаю, о чем ты говоришь. Мы с Антониной Фириной в одном классе учились, мне ее муж не нужен, не слушай сплетни. А правда, что ты сама за женатого замуж вышла? Отбила его у семьи?»

Пожилая дама усмехнулась:

– Думала, уест бабку! Только Анатолий Сергеевич, мой супруг, вдовцом был, и встретились мы с ним на кладбище. Я тогда в городе Черноповск жила, очень по родителям тосковала и однажды на местный погост пошла – решила, погуляю среди крестов, душа и успокоится. Забрела на старую территорию, глядь, могилка заброшенная, ограда покосилась, памятник лежит на боку... Короче, жаль печальная! Я с плиты мох оторвала и увидела: мужчина там похоронен, он родился в один день и год с моим отцом. Ну и стала потом за его захоронением следить, порядок навела, цветочки посадила. Как-то раз на соседнем участке появился приятный брюнет, молодой, с грабелями. Разговорились, он рассказал, что жена у него от тяжелой болезни умерла. Сначала мы просто друг друга морально поддерживали, а после стали семьей жить. Не состояла я никогда в любовницах.

Елизавета Гавриловна округлила глаза.

– Теперь самое главное. Жену Фирин зовут Антонина Семеновна, в девичестве Бакова. Угадай с трех раз, чья она дочь?

– Понятно, – протянула я. – Налицо конфликт интересов. Начальнику полиции придется отказаться от дела, если в нем замешана ближайшая родственница.

Собеседница выпятила нижнюю губу.

– Все гораздо сложнее, Ну, отойдет Семен в сторону, а кто на его место встанет? Павел Готов, его заместитель. Они с Баковым вместе на охоту-рыбалку

катаются. И в Нижнегорске у Сеньки сплошные друганы в полицейском управлении.

В дверь спальни постучали.

– Входи, Иван Николаевич, – чуть повысила голос старуха.

В комнату на самом деле вошел Зарецкий, он с порога спросил:

– Что случилось? Как только я получил вашу эсэмэску, сразу примчался к вам.

Я удивилась – и когда Елизавета Гавриловна успела отправить сообщение? Вроде мы все время находились вместе, я не видела, чтобы она бралась за телефон.

– Екатерина умерла, – ответила старуха. – Садись, Ваня. Виола уже в курсе, хочу вас обоих кое о чем попросить.

Глава 7

– Слушаю, – слегка настороженно произнес Зарецкий.

– У вас много друзей повсюду, сделайте так, чтобы смерть Кати не стала главной новостью в прессе, – озвучила свою просьбу старуха.

Издатель попытался спрятаться в кусты.

– Ну, это нелегко...

Губы Елизаветы Гавриловны скривила гримаса.

– Очень мне шума не хочется, толпы корреспондентов вокруг дома, воплей газетчиков, программ по местному телевидению. Моя семья живет честно, а сейчас откроется шлюз для разного дерьма. Начальник полиции думает,

что Екатерина у его дочери мужа отнять хотела, расстареется, будет про Николаевых гадости репортерам врать. А те набрешут, что Катю убили, вспомнят, как Алку из института выгнали, напридумывают, чего и не было. Хотя нет, сам Баков молчать будет, велит подчиненным языком молоть. Я любые деньги заплачу, лишь бы в нашу семью комья грязи не швыряли. Никто Катю не убивал, посторонних в доме не было. Кроме Виолы, конечно.

Я подпрыгнула.

– Намекаете, что я имею отношение к смерти вашей внучки?

– Я-то прекрасно знаю, что ты ни при чем, но репортеры костер разожгут, и тебе тоже достанется, – продолжала старуха. – Прямо вижу заголовки: «Арина Виолова последней видела умершую», «Смерть в доме Николаевой. Причастна ли к убийству писательница?», «Автор детективов зарезала дочь хозяйки пансиона?»... Шум не нужен ни мне, ни вам обоим. Иван Николаевич, заткни борзописцев, очень прошу. У тебя полно знакомых в верхах, пусть велят Бакову объявить смерть Кати естественной и живо закрыть дело. Расследование по реноме нашей семьи больно ударит. У Николаевых безупречная репутация, но ведь любой факт можно так исказить...

Старуха говорила и говорила, а я не верила своим ушам. Елизавета Гавриловна не горит желанием узнать, почему умерла ее внучка? Ну да, скорее всего смерть Кати не криминальная. Окна в ее спальне были закрыты, в доме из посторонних находилась только я. Но ведь можно ночью тайком кого-то впустить в особняк... Надо же понять, по какой причине молодая, с виду здоровая девушка неожиданно ушла из жизни. Если у нее и впрямь был женатый любовник, то его супруга вполне могла навредить разлучнице.

Елизавета Гавриловна неожиданно замолчала и посмотрела на нас с Зарецким.

– Жарко мне стало... Выйдите, пожалуйста, ненадолго, я переоденусь.

Мы с Иваном молча покинули комнату.

– Весьма необычная старуха – сохраняет полнейшее спокойствие, – тихо сказала я. – Увидев внуку на полу, не впала в истерику, не кинулась к телу, сразу поняла, что девушке не помочь. Уникальное самообладание! И как она

сообразила, что Катя мертва? Ведь смотрела на нее издали.

Иван Николаевич прислонился к стене.

– Муж Елизаветы был следователем, занимался особо тяжкими преступлениями, супруга стала медэкспертом. Когда муж умер, она ушла работать в больницу. Николаева много лет на пенсии, но «автопилот» до сих пор включается. Опыт-то у нее какой. Годы работы из памяти не выкинешь.

– Фамилия дамы Комани, – поправила я. – Ты про нее раньше упоминал, и в музее я видела стенд с названием «Лиза Комани. Героиня нашего города». Николаевой стала ее дочь Нина, когда вышла замуж за Геннадия Петровича.

– Комани девичья фамилия старухи, – уточнил Зарецкий, – Елизавета вышла замуж за Анатолия Сергеевича Николаева. Ох, давно это было... Меня Васькин в музей затащил, и я внимание на дату ее свадьбы обратил – двадцать седьмое февраля тысяча девятьсот пятьдесят третьего года. А у меня мама двадцать седьмого февраля родилась в тридцать пятом году. Она всегда говорила: «Хорошо, что день рождения не двадцать девятого, а то бы я раз в четыре года подарки получала». Помнится, я на стенд глянул, дату бракосочетания Николаевых увидел и подумал: «Число, как у мамы, а год ее перевертыш: пятьдесят три – тридцать пять». Вот и запомнил. Муж Нины оказался ее однофамильцем, при регистрации ей не потребовалось менять паспорт.

Издаleка донесся мужской голос:

– Нам тут налево?

– Баков приперся, – с этими словами в коридор выскочила Елизавета Гавриловна и, прежде чем мы с Иваном Николаевичем отреагировали, понеслась дальше.

Я сообразила, что старуха может затеять скандал, кинулась за ней и схватила за руку.

– Елизавета Гавриловна, не нервничайте.

– Я спокойна как удав, – ровным голосом ответила дама и повернулась к краснолицему толстяку в мятых брюках и рубашке с коротким рукавом.

– Здравствуй, Семен.

– Добрый день, Елизавета Гавриловна, – отозвался Баков. – Хотя нет, день совсем недобрый. Примите мои соболезнования по поводу утраты, скорблю вместе с вами.

– Странно от тебя сие слышать, – отрезала старуха.

Семен Егорович сделал вид, будто не услышал ее.

– Мы тут с парнями осмотримся, вам лучше пока полежать или в столовую спуститься. Понимаю, горе у семьи, но нам нужно со всеми потолковать.

Елизавета Гавриловна исподлобья посмотрела на полицейского.

– Нет, Семен, ты сейчас же отсюда уедешь.

– Извините, это невозможно, – возразил Баков, – в доме совершено убийство.

– С чего ты взял? Может, Катя упала, головой о кровать ударилась и умерла? – вкрадчиво поинтересовалась бабушка. – Или у нее с сердцем плохо стало, а? По какой причине про преступление запел? В комнату еще не заходил, тела не видел, а вывод сделал. У тебя уже и версия есть? Подозреваешь кого?

Баков стиснул зубы, вынул мобильный и вежливо ответил:

– Просто я повторил то, что по телефону услышал. Вот...

Семен Егорович нажал на экран, по коридору полетел задыхающийся мужской голос: «Скорей... скорей приезжайте! Катю резали... насмерть...»

– Узнаете, кто говорит? – осведомился начальник местной полиции.

Елизавета Гавриловна молчала.

– Конечно, голос по телефону искажается, – вздохнул Семен Егорович, – но я определившийся номерок по базе прогнал – принадлежит он Виктору Арефьеву, мужу Аллы, вашей внучки.

Пожилая дама вздернула подбородок, открыла рот, но ничего не успела сказать, потому что с лестницы раздался громкий голос:

– Семен Егорович, подождите!

В конце коридора появилась коренастая фигура, она быстро приблизилась к нам, и я узнала Григория Андреевича Васькина, владельца «Кинофабрики».

– Вам еще не звонили? – забыв поздороваться, спросил он.

– Кто? – прищурился Баков.

И тут телефон в его руке запищал. Семен поднес его к уху.

– Добрый день, Михаил Ильич. Слушаю... Понял. Конечно. Да, выполняю.

Потом начальник местной полиции сунул трубку в карман пиджака и сообщил:

– К нам из столицы выехали московские специалисты, они и займутся делом Екатерины. Мне велено у варягов на подхвате быть.

– Это я организовал, – перебил Бакова Васькин. – Как услышал про убийство Екатерины, сразу позвонил Андрею Платонову.

– Вы знаете Андрюшу? – удивилась я.

– Кто сказал про Катю? – одновременно со мной воскликнула старуха.

– Нас с Андреем связывает дружба, – ответил мне первой Григорий Андреевич. – Лет шесть назад я делал телесериал о полиции, понадобился консультант, и я

позвонил Ивану Николаевичу: «Много детективов печатаешь, у тебя небось есть человек, способный заметить огрехи в сценарии. Наверное, ты и с полицейским начальством на короткой ноге. Не посоветуешь кого-нибудь?» И Зарецкий свел меня с Платоновым, за что я ему очень благодарен. С той поры мы с Андреем тесно общаемся. А про смерть Кати радио «Голос Гидрозавода» сообщило, добавив: «Полиция полагает, что убийство совершено членом семьи или любовником внучки Елизаветы Гавриловны».

Старуха побагровела:

– Твари! И как только новость разнюхали?

– На номер местной службы спасения поступил звонок от Арефьева, – пробормотала я. – Пресса платит тем, кто сидит на пульте, за «горячую информацию». Если господин Баков уточнит, кто принял вызов, он выяснит личность того, кто «стучит» журналистам.

– Спасибо за подсказку, госпожа Тараканова, – буркнул Семен Егорович, – мне самому вовек бы не додуматься до этого. Но ловля «кротов» не моя обязанность. И, если вы забыли, напомню: в России свобода слова.

Васькин сделал шаг вперед и заявил:

– Платонов суперпрофи, он все раскопает.

– И как тебе, Гриша, в голову пришло вызвать людей из Первопрестольной? – процедила сквозь зубы Елизавета Гавриловна. – Почему ты так забеспокоился?

Я прислонилась к стене. Странно, что старуха Николаева задает этот вопрос. Мне ответ на него понятен. Сейчас объясню, почему.

Глава 8

С бизнесменом меня в день приезда познакомил Зарецкий. Григорий Андреевич оказался приятным человеком и устроил мне экскурсию по своему предприятию.

Затем Васькин отвез меня в местный музей, показал стенд, посвященный Елизавете Гавриловне, подарил роскошно изданную книгу «История пуштанов» и, вручая том, пояснил:

– Моя мама была пуштанкой, но долгое время скрывала это. Ей было восемь лет, когда ее навсегда разлучили с семьей, однако она, несмотря на то что попала в детдом малышкой, не забыла свое детство. В шестнадцать девочке выдали паспорт, в котором в графе «национальность» значилось: русская. Фамилия тоже была другая. У пуштанов простые имена: Вера, Галина, Валентина, Петр, Сергей, а вот фамилии заковыристые, на них сразу обратишь внимание: Комани, Лавини... Детям, отправленным в интернат, давали фамилии: Федоров, Кузнецов, Михайлов. Мама получила высшее образование, стала историком, кандидатом наук, работала в вузе, студенты ее обожали, даже провожали после лекций домой. Вера Дмитриевна писала учебники, но у нее была мечта – издать историю своего народа, поэтому она потихоньку собирала материал, не афишируя то, чем занимается. Как многие люди, пострадавшие от репрессий, мама боялась властей, думала, что ее труд никогда не издадут, но все равно продолжала свою работу. Ей очень хотелось поговорить с теми, кто остался в живых, но взрослых пуштанов почти всех истребили, а детей распахали по приютам, поменяв их личные данные. Повторюсь: поиски были очень затруднены, однако мама не сдавалась. Ей в голову пришла гениальная догадка: часто младенцам, подброшенным на порог домов призрения, дают фамилии, как у директора учреждения. Может, и с малышами пуштанов поступили так же? Она получила доступ к нужным архивам, сидела в них не один год и в конце концов составила список. Конечно, далеко не полный, в нем было всего двенадцать фамилий. Долго рассказывать, как мама по крупицам собирала сведения о ребятах...

– Елизавета Комани вместе с сотрудником МГБ Семеном спасли часть взрослых пуштанов от смерти, – напомнила я. – Вера Дмитриевна могла связаться с ними.

Григорий Андреевич развел руками.

– Тогда она ничего не знала о героическом поведении Елизаветы, понятия не имела о ее подвиге. Веру увезли в детдом одной из первых, ей не довелось жить в гетто. В общем, мама стала связываться с детьми, прошедшими через интернаты. Естественно, на тот момент, они уже выросли, обзавелись семьями.

– Наверняка не все согласились общаться с историком Васькиной, – предположила я.

– Увы, да, – помрачнел бизнесмен. – Кое-кто говорил Вере Дмитриевне: «Что за бред? Я русский, вали отсюда, тетя». Помню, как она приехала со встречи с одним мужиком очень расстроенная. Я спросил: «Этот тоже отрицал, что он пуштан? Вот трус!» И знаете, что услышал в ответ? «Не следует осуждать людей, – укорила меня мама. – Пареньку исполнилось тринадцать, когда его оторвали от родителей. Стукни ему четырнадцать, был бы расстрелян, закопан во рву. Такой страх навсегда в душе поселяется».

Васькин помолчал и продолжил рассказ:

...Но были люди, которые бросались обнимать Веру Дмитриевну, выкладывали ей все, что помнили о своих семьях. А когда она приехала к Валентине Семеновой, та поведала ей про героизм Лизы Комани.

У Валечки была очень трудная судьба. Ее мать рано умерла, отец женился второй раз на тетке с двумя детьми. Новая его супруга оказалась классической мачехой, она изводила падчерицу. Как-то ночью Валя лежала в своей кровати, отгороженной от общего зала занавеской, и вдруг услышала возню, шепот – родители одевали детей, приказывая им молчать. Потом в дом постучали, в комнату кто-то вошел и раздался вопрос:

– Готовы?

Девочка сразу узнала голос Елизаветы Комани.

– Да, – ответила мачеха.

– Выходите по одному через заднюю дверь, – велела Лиза. – Сначала дети, потом женщина. Через пять минут после них мужчина. Ну, вперед быстро!

Елизавета ушла, слышались торопливые шаги. Валечка, которой было двенадцать, помертвела, вспомнив обрывки слышанных ею ранее разговоров взрослых. Стало понятно: папа с новой семьей убегает, дочь от первого брака он решил бросить.

Вдруг занавеска, за которой пряталась кровать девочки, раздвинулась, появился отец.

– Валюша, – завел он скороговоркой, – запоминай. Улица Порогова, дом восемь, квартира девять, город Владимирск. Завтра за тобой придет Лиза Комани. Не волнуйся, ничего не бойся, она посадит тебя на поезд до Владимирска. В машине только четыре места, сегодня мы тебя взять не можем, но ты уже большая, сама доедешь, а малыши нет. Я буду тебя ждать по указанному адресу. Если завтра кто из соседей в избу постучит, никого не впускай, скажи: «Все заболели, корь от младшего брата подцепили». Сама во дворе не бегай, никуда не ходи, сиди тихо, жди полуночи. Все будет хорошо. Лиза многих спасла, она не первой семье помогает, сейчас нас вывезет, завтра тебя. Вот, выпей это и спи.

Но на следующее утро в дом ворвались солдаты, чтобы арестовать отца и мачеху. Валечку они еле-еле разбудили. Девочка не поняла, что происходит, и на вопрос офицера: «Где твои родители?», с трудом пробормотала:

– Не знаю, вечером дома были.

– Где отец и мать? – повторил человек в форме.

– Мамочка умерла, – залепетала Валя, – я с мачехой живу.

Мужчина неожиданно взял с тумбочки, стоявшей у кровати, чашку, понюхал ее и уже не таким злым голосом осведомился:

– Кто чай наливал?

– Папа, – прошептала Валя.

Незванный гость бросил чашку на пол.

– Вставай. Отец с мачехой тебя бросили, удрали, прихватив с собой общих детей. А чтобы ты хай не подняла, сонным зельем тебя опоили. Пошли, поедешь в приют.

Валечка заплакала от страха, начала просить, чтобы ее оставили дома, но, конечно же, никто девочку не послушал. А она не выдала Лизу, не сказала, что Комани помогла отцу и мачехе бежать.

Став взрослой, Валентина пыталась найти отца, но тот словно в воду канул. Может, он тоже разыскивал ее, но дочь по фамилии стала Семеновой, и отчество у нее теперь другое...

Вера Дмитриевна пообщалась еще с несколькими выросшими детьми пуштанов, и один из них рассказал нечто похожее на печальную повесть Вали. Мальчиком он слышал, как его дед и бабушка договорились с Елизаветой Комани. Побег был назначен на десятое число, но семье не удалось спастись – девятого за стариками пришли солдаты, их внука отправили в детдом.

Историк захотела узнать судьбу Комани. Васькина выяснила, что отец и мать Лизы погибли, девушка как-то сумела спастись. Потом вышла замуж, стала Николаевой, живет в городе Гидрозавод. Последнее показалось мистическим совпадением, потому что именно в этом городе Григорий, сын Веры Дмитриевны, недавно основал киносектор. Мать приехала к сыну в гости, побежала к Елизавете... Дальнейшее известно.

К сожалению, Васькина не дожила до выхода своей книги. На момент первого посещения ею Гидрозавода рукопись уже была готова, но автор после общения с Елизаветой решила добавить еще одну главу – про героизм Лизы Комани. Григорий Андреевич обожал мать, и едва работа над этой главой была закончена, отнес ее в журнал «Алло». Публикация вызвала большой интерес, Вера Дмитриевна очень радовалась откликам, но увидеть изданную сыном книгу не успела, умерла.

Васькин считает Николаевых самыми близкими себе людьми в городе. Он пристроил в пиар-отдел «Кинофабрики» Эллу, ввел в штат фирмы Олега, затем попросил Зарецкого взять его режиссером на сериал. Конечно же, бизнесмен, услышав по радио сообщение о смерти Кати, ужаснулся, подумал, что Баков не справится с расследованием, и бросился звонить Андрею Платонову.

Поэтому мне и странно, что Елизавета Гавриловна спросила, зачем Григорий Андреевич вызвал столичных специалистов, это же очевидно.

Ну да, старуха не хотела шума, надеялась, что кончину Кати сочтут ненасильственной и репутация семьи Николаевых останется незапятнанной. Но гром уже прогремел, а прилет профессионалов из Москвы сделает его раскаты особенно звучными. Ох, похоже, Елизавета Гавриловна совсем не любила Катю, смерть внучки ее не волнует, пожилую даму больше беспокоит общественное мнение. Мда, некоторые люди к старости становятся бессердечными и эгоистичными...

– Из Москвы едут специалисты, вам нельзя расследование затевать. Сами знаете, почему, – говорил тем временем Васькин.

– Понятия не имею, по какой причине не должен убийство разматывать, – преспокойно солгал Баков. – Когда столичные птицы прилетят, с радостью им вожжи отдам. Но пока никого нет, мои парни приступят к работе.

– Никогда! – отрубила Елизавета Гавриловна. – Нет вам моего разрешения на какие-либо действия здесь, уходите! Вы все в газеты сливаете, сейчас видеозапись сделаете и на телевидение продадите. Прощелыги!

Баков скривил рот.

– И труп оставить? Не трогать покойную? Так запах же пойдет.

Иван Николаевич обнял старуху.

– Думаю, вам нужно выпить чаю. Как считаешь, Виола?

– Да, да, – закивала я, взяв владелицу особняка под руку. – Пойдемте вниз, у Нины Анатольевны определенно найдется успокаивающий напиток.

Елизавета Гавриловна отпрянула в сторону.

– Нечего из меня убогую истеричку делать! Баков, я к тебе хорошо относилась, а ты что устроил? Как только твой сотрудник звонок Виктора принял, ты решил сразу радио оповестить? Убирайся, я тебе не доверяю! Не хочу, чтобы из нашего дома для телевидения-газет полицейский репортаж вели. Вон твои гаденыши стоят, у одного вижу камеру.

– Это для оперативной съемки, – мрачно пояснил Баков. – Она необходима, ее никуда не выложат. А за «гаденышей» и привлечь можно, оскорбление при исполнении.

Старуха насупилась, потом вытянула вперед руки.

– Давай, цепляй наручники. Думаешь, я испугаюсь? Дурачина! Я эмгэбэшников в сталинские времена не боялась, много народа от них спасла. С какой стати от твоих угроз трястись? Ну, где «браслеты»?

– Как вы смеее так с Елизаветой Гавриловной обращаться? – взвился Васькин. – Сию секунду сообщу о вашем поведении начальству. Вы, Семен Егорович, просто обязаны самоустраниться. Ваш зять Анатолий Фирин был любовником Екатерины!

Лицо Елизаветы из багрового стало серым.

Трое мужчин, стоявших около Семена Егоровича, отступили назад и притворились, будто ничего не слышат.

– Прикажут отойти – выполню, – безо всякой агрессии ответил Семен, – а пока мне велено у москвичей на подхвате быть. Я обязан работать. Господин Васькин, не стоит повторять сплетни. Дочь моя с мужем счастлива, у них все хорошо.

– Нет, все у них плохо, – отрезал Григорий Андреевич. Он вынул айфон и начал перелистывать его. Потом сунул гаджет полицейскому под нос. – Полюбуйтесь!

Я, забыв о приличиях, тоже посмотрела на экран и увидела Катю, а позади нее молодого симпатичного мужчину, одетого в дорогое бежевое пальто. Пара была запечатлена на ступеньках лестницы какого-то дома в момент, когда поднималась вверх.

– Узнаете фигурантов? – продолжал Васькин.

– И что? – пожал плечами Баков. Затем вытащил свой сотовый, порылся в нем и продемонстрировал собеседнику. – Вот другой кадр – мы с Ниной Анатольевной сидим в кафе, я ее за плечи обнял, улыбаемся во весь рот. По-

вашему, мы, значит, спим вместе?

– Не городи чушь! – взвилась старшая Николаева. – Просто где-то столкнулся с моей дочерью, и там третий человек был, который снимок для вас сделал по обоюдному желанию.

Семен Егорович улыбнулся:

– Так-так, Елизавета Гавриловна, когда речь о Нине идет, логика у вас железная. Верно подметили, я поехал в Нижнегорск, ботинки хотел купить и встретил в торговом центре Нину с Эллой, они по магазинам бродили. Пошли мы вместе перекусить. Элла нас с Ниной Анатольевной на память щелкнула, вот и вся история. Я это к чему говорю. Мы тут в обнимку сидим, но вы дурного не заподозрили, а Катя с Толей друг за другом идут на расстоянии. Они случайно рядом оказались.

– А вот и нет, не случайно, – возразил Васькин. – Там вывеска в камеру попала: «Гинекологическая клиника Воробьева». Аборт Катя от вашего зятя делала.

– Да ну? – вскинул брови Баков. – И как вы это поняли? Может, Екатерина заболела, придатки застудила.

– А Анатолию вашему что в женском центре делать? – хмыкнул Григорий Андреевич.

Полицейский пожал плечами:

– Точного ответа не знаю, но в курсе, что моя дочка ребенка хочет. Наверное, отправила супруга найти врача, чтобы беременность вел. Или попросила Толю генетические анализы сдать. Елизавета Гавриловна, я понимаю, вы любили Катю, но вспомните, как сами работали на местах преступлений, что говорили родственникам, которые бригаду к убитому не подпускали. Сейчас на дворе лето, стоит жара, процесс разложения тела идет ускоренно, и чем дальше, тем труднее будет определить истинную причину смерти. Если вы хотите найти виновника гибели внучки, то дайте нам возможность действовать.

Мне начальство приказало место происшествия обработать. Да и труп необходимо побыстрее увезти в морг. Я, конечно, могу уехать, но что из этого выйдет? Через несколько часов у вас в доме такой запах образуется... Да чего я

вам рассказываю, сами все знаете. К тому же по городу новые слухи полетят: раз Николаева следователей выгнала, небось девушку убил член семьи, бабушка улики прячет, она же судмедэкспертом была, знает, как следы замести. Вам это надо?

Баков повернулся к владельцу «Кинофабрики»:

– На вас, Григорий Андреевич, я не сержусь, всем известно, как вы любите и оберегаете Елизавету Гавриловну, считаете ее родней. Использовали свои мощные связи и кликнули спецов из Москвы? Что ж, я даже рад такому повороту дела. Но клеветать на моего зятя не позволю. Снимок ваш ничего не доказывает. И давайте по-честному. Господин Васькин недолюбливает Анатолия Фирина. Почему вас при виде моего зятя передергивает? Весь Гидрозавод ответ знает, но я его озвучу. Потому что у Толи когда-то горел роман с Аллой, а потом отношения прервались. Только расстроились-то они из-за того, что девушка ушла к Арефьеву. Не Анатолий Аллу бросил, а она его на сына богатого человека променяла. Кто ж знал, что мой зять после разрыва с дочерью Геннадия Петровича бизнес откроет и спустя короткое время ни в чем нуждаться не будет? Толя и моя Антонина поженились через год после свадьбы Аллы и Виктора. Выходит, старшая внучка Елизаветы Гавриловны не на ту лошадку поставила. Фирин ей бесперспективным бедняком показался, вот и бортанула парня. Ну а теперь Анатолий на «Бентли», Тоня в шубе из соболя рассекают, Алла же горничной в домашней гостинице служит, а Виктор все никак наследства от отца не дождетсЯ. Каждому по делам его воздается. Ну, так как? Нам приступить? Труп забирать? Или тут оставить?

Иван Николаевич повел Елизавету Гавриловну к лестнице.

– Пойдемте в столовую.

Я схватила Васькина за плечо.

– Григорий Андреевич! Семен Егорович прав, необходимо обработать место происшествия. Чем дольше тянуть, тем меньше шансов узнать, что случилось с Катей. Андрей Платонов разберется в случившемся, но его пока тут нет, а на улице жара. Давайте спустимся на первый этаж и дадим господину Бакову возможность делать свою работу.

Бизнесмен неожиданно молча покорился, мы двинулись по коридору.

– Откуда у вас фото Кати и Анатолия? – спросила я.

– Вадим Булгарин принес, – мрачно пояснил он, – владелец холдинга «Газеты-журналы Нижегородска». Мы с ним дружим. Ему прислали снимок с предложением написать эксклюзивный материал про отношения Кати и Фирина, сообщили, что есть другие фото, где они вместе у кабинета врача сидят, и так далее. Вадим сказал: «Я информатору крылья подрежу, материал нигде не появится, могу это гарантировать. А ты взаменстроишь мою племянницу в телесериал». Я согласился. Елизавете Гавриловне и Нине ничего не сказал – зачем их волновать? Но, думаю, Николаевы правду знают. Булгарин не обманул, статья в прессе не появилась. Он ведь понимает: если он нарушит данное слово, его протеже сразу вон со съемок попросят. Сегодня я увидел Бакова и не сдержался. Только зря снимок показал. Хотел Елизавете Гавриловне помочь, вызвал Платонова, а сам, как дурак, начал телефоном размахивать...

Глава 9

На следующий день около четырех часов мы с Зарецким и Платоновым сидели в беседке на участке Николаевых.

– Баков с радостью передал мне дело, – заметил Андрей. – Обычно местные полицейские недовольны появлением столичных птиц, а этот заявил: «Баба с возу, кобыле легче. Ежели чего надо, только свистните, любую помощь окажем».

– По городку ходят сплетни о романе Кати с Анатолием, зятем начальника полиции, – подсказала я. – Агентство «Одна баба сказала» работает вовсю, никто ничего точно не знает, но все уверены в адультере. Вчера я обедала в кафе, потом поехала на съемки, и везде на языке у людей эта тема: Антонина убила Катю из ревности, отец дочурку стопроцентно отмажет. «Сотрудники» агентства ОБС расходятся только в мелких деталях, в частности, не могут договориться, каким образом Екатерину лишили жизни: застрелили, задушили, утопили или отравили. А еще аборигены уверены: Семен Егорович вызвал из Москвы ближайшего друга, отдал ему расследование, и все будет чики-брики:

столичная шишка объявит кончину Кати ненасильственной и укатит домой, Антонину ни в чем не заподозрят, к Бакову претензий не возникнет, не он же следствием рулил.

– Местные кумушки выдвигают свои версии, – усмехнулся Платонов.

– Что же случилось с Катей? – спросил Иван Николаевич. – Молодая здоровая женщина внезапно не умрет.

– Ее застрелили? – предположила я. – Нос, рот и подбородок несчастной были в крови. Я сразу обратила на это внимание. Но окно в комнате не открывали, в спальню можно попасть, только поднявшись с первого этажа по лестнице. Могу сказать, когда я видела жертву в последний раз. Екатерина спустилась в столовую вечером в районе десяти, увидела, что Элла собралась нести Елизавете Гавриловне коврижку, и устроила скандал. Она возмущалась, что кекс не подали всем к ужину. Выговорившись, Катя схватила поднос со сладким и решила сама доставить его бабушке. Девушка выглядела совершенно здоровой, во время ужина вела себя как обычно – приматывалась к матери, делала ей замечания. Посторонних в доме не было. Нина Анатольевна, перед тем как подавать семье ужин, маниакально проверяет, не открыты ли парадная и «черная» двери, гремит замками, задвигает здоровенные засовы. Позже, около полуночи, она скребется ко мне в спальню и осведомляется: «Виола, простите за беспокойство, у вас закрыт выход в сад? Разрешите, я посмотрю?» Мне выдали связку ключей, я могу приходить-уходить в любое время, не тревожа хозяев, попадая в особняк через отдельную дверь. Но Нина Анатольевна не ложится спать, пока я не окажусь на месте, и обязательно проверяет, точно ли я заперла створку.

– Безобразие! – рассердился Иван Николаевич. – Почему ты раньше мне не сказала? Нина обещала, что тебя ни при каких условиях не станут беспокоить.

Я улыбнулась:

– Мне никто не мешает, Николаева забегает на пару минут.

– Отвратительно! – еще сильнее разозлился Зарецкий. – Ты оказала услугу, поселившись в ее особняке. Вчера я слышал, как одна актриса сказала другой:

«Виола живет в пансионе на Рябиновой улице, хочу узнать, нет ли у них свободной комнаты. Писательница не дура, небось выбрала лучшее место в городе». К Николаевым теперь клиенты потянутся, а они вип-гостье отдыхать не дают, в полночь в дверь ломятся!

Я посмотрела на Андрея.

– Я рассказала о привычках Нины вовсе не для того, чтобы пожаловаться. Хотела объяснить: вчера вечером в доме не было посторонних. Понимаешь?

– Конечно, – кивнул Платонов. – Катя с кем-нибудь в семье конфликтовала?

– Она была ехидной, если не сказать злокой, – вздохнула я. – О покойниках плохо не говорят, но сейчас нужно быть объективной. Екатерина постоянно грубила матери, сестре, привязывалась к Элле, Виктору, Олегу.

В моем кармане завибрировал сотовый. Номер оказался местным, незнакомым, голос, зазвучавший из трубки, я раньше никогда не слышала.

– Виола Ленинидовна? – спросила женщина.

– Да, – подтвердила я.

– Вас беспокоит Тоня, дочь Семена Егоровича Бакова. Можете со мной встретиться? Речь пойдет о Кате, хочу кое-что пояснить.

– Хорошо, – согласилась я. – Где и когда?

– Если вам удобно, то в семь вечера в магазине сувениров на Фабричной. Над ним вывеска в виде медведя, сразу увидите.

Я положила трубку на стол, произнесла задумчиво:

– Станный звонок... Антонина Фирина просит поговорить с ней, хочет сообщить какую-то информацию о Екатерине.

– Конечно, иди, – обрадовался Андрей, вынул из сумки ноутбук и поставил его перед собой. – Теперь о причине смерти девушки. Катя погибла от перфорации желудка. Грубо говоря, в нем образовалась дыра. Обычно это является следствием пептической язвы, но у покойной ее не было – к врачу с жалобами на боли в эпигастрии она не обращалась. И вот странность: желудок Кати похож на дуршлаг, он весь в перфорациях. Что их вызвало, выяснить пока не удалось. Женя, наш эксперт, сказал: «Впервые с таким случаем сталкиваюсь. Выглядит так, словно девушка ежа проглотила и тот у нее внутри ворочался».

При вскрытии желудка нашли остатки пищи. Екатерина перед смертью ела коврижку, о которой ты, Вилка, рассказывала, потом закусил пирожными: взбитые сливки, джем и песочное тесто. До кучи она слопала несколько конфет, их состав обычен: какао-масса и соевый эмульгатор, это шоколад не самого высокого качества. В спальне покойной на подоконнике за занавеской обнаружили пакет из кондитерской «Веселый эклерчик», в нем пустая упаковка из-под корзиночек с кремом и чек. Умершая приобрела десерт вечером и слопала его после ужина.

– Нина Анатольевна – фанатка здорового образа жизни, дома у Николаевых ни конфет, ни сдобного печенья, ни чего-либо подобного не сыскать, – прокомментировала я. – Во время ужина Катя капризничала, оладьи из рыбы даже пробовать отказалась. Похоже, она была сахарной наркоманкой – прямо затряслась от гнева, когда узнала, что коврижку не поставили на стол. Думаю, внучка принесла бабушке «черносливку», попросила для себя кусочек, Елизавета Гавриловна милостиво отрезала ей ломтик. Девушка слопала коврижку, а потом отправилась в свою спальню лакомиться собственными запасами.

– Судя по объему съеденного, одним кусочком коврижки не обошлось, похоже, покойная ее почти всю схомячила. Прямо Плохиш какой-то – Катя постоянно ела сладкое в одиночестве, – усмехнулся Платонов. – У нее был тайник: подоконник в спальне поднимается, внутри полость. Там мы обнаружили небольшой электрочайник, несколько упаковок лапши быстрого приготовления, пачку рафинада, фруктовый чай в пакетиках, коробку соленых крекеров, пластиковую банку с печеньем типа курабье, более килограмма конфет.

– Все это, по мнению Нины Анатольевны, страшный яд! – воскликнула я. – Но кто оборудовал для Кати тайник?

Платонов повернул ноутбук экраном ко мне.

– При жизни Геннадия Петровича первый этаж дома выглядел вот так.

– Столовая и кухня на втором этаже? – удивилась я. – Странно. Как правило, владельцы загородной недвижимости размещают эти помещения внизу, выше располагаются спальни.

Андрей встал и стал ходить по беседке.

– Я показал Нине Анатольевне тайник дочери. Мать пришла в ужас, воскликнула: «Она себя убивала, вся в отца пошла!» Потом слегка успокоилась и прояснила ситуацию. По словам вдовы, профессор Николаев был гениальным, прекрасным и еще сто подобных эпитетов... человеком. Но! Интеллигентный, верный, щедрый супруг и добрый отец не любил общаться с родными. Утром он отбывал на работу, вечером приезжал и садился писать научные труды. Однако в большой дом семья переехала не сразу, сначала все жили в маленьком коттедже, где сейчас устроена гостиница. Геннадий Петрович постоянно жаловался на галдящих детей, на то, что Нина Анатольевна гремит кастрюлями-сковородками, а теща очень громко разговаривает. Шум мешал профессору. Затеяв строительство просторного особняка, он решил избавиться от нервозности, сделал себе отдельные апартаменты. А общие помещения, включая кухню, поместил на втором этаже.

– Не проще ли было Николаеву самому перебраться выше? – удивилась я.

– Нет, не проще, – возразил Андрей. – Он сильно уставал на службе, поэтому часто дистанцировался от семьи, не желал никого видеть по вечерам, устроил отдельный вход в дом. Кроме того, он дымил как паровоз. Жена умоляла бросить вредное для здоровья занятие, а он не желал слушать ни супругу, ни лечащего врача. Единственное, на что он соглашался, это иногда выходить с сигаретой во двор. Беседка, где мы сидим, построена для отца семейства, который в хорошую погоду тут курил. Интересная подробность: детям и женщинам заходить сюда запрещалось.

– Прямо домострой, – поежилась я. – Суровые нравы.

– Геннадий Петрович содержал семью и требовал от домочадцев исполнения своих желаний, – подчеркнул Платонов. – Сколько я на своей работе разных теток наслушался, не передать, и многие из них одинаковые слова говорят:

«Я супругу всю жизнь отдала, дом вела, он только деньги на хозяйство давал, ни о чем другом не заботился, орал на меня, а потом ушел к некрасивой дуре, которая целый день на работе торчит, ему теперь приходится самому белье стирать. Почему муж меня, хозяйственную-заботливую, на ленивую прошмандовку променял?»

Я молча слушала Платонова. Дамы, запомните: никогда нельзя превращаться в своем доме в прислугу, в «тыбы». Что такое «тыбы»? «Ты бы сбегала в магазин, мне некогда, я работаю»; «Ты бы следила за детьми как следует, они двойки из школы приносят, мне некогда, я работаю»; «Ты бы не спорила с моей матерью, мне некогда в скандалах разбираться, я работаю»... Короче, сплошные «ты бы то...», «ты бы это...» так и сыплется изо рта главы семьи в адрес супруги-домохозяйки.

И не стоит становиться няней собственных отпрысков – исполнится ребенку три года, отведите его в садик и идите работать. Успешную, самодостаточную, получающую зарплату женщину муж уважает, а о ту, что ничего собой не представляет, будет ноги вытирать.

Полюбуйтесь на Нину Анатольевну. Сначала ею Геннадий Петрович помыкал, теперь дети мать ни в грош не ставят. Всеми делами в семье рулит Елизавета Гавриловна, именно ей принадлежат оба строения и участок, и неизвестно, кому она недвижимость в наследство оставит. Думаю, прибыль от гостиницы тоже оседает в цепких лапках старухи. Она одета лучше дочери, посещает салон красоты, каждый день выезжает из дома по делам, ведет, можно сказать, бурную светскую жизнь. Да, да! Пенсионерку зовут выступать в школах, она рассказывает детям иронические истории из своей жизни. Старшая Николаева частый гость на «Кинофабрике», консультирует съемочные группы, объясняет, как люди одевались во времена ее юности, как тогда был устроен быт. Я пока ни разу не видела пожилую даму в халате, с всклокоченными волосами, без пудры на лице. Нина Анатольевна же мечется по маршруту пансион – большой дом – рынок – магазин, в ее руках то поварешка, то тряпка, то метла, то сумка с картошкой. О своей внешности она не печется, кое-как пригладит торчащие после сна волосы, и ладно. И что бедняга получает в награду за беззаветное служение родным? Ее постоянно критикуют, ругают и даже в лицо называют дурой.

– После смерти зятя Николаева-старшая отремонтировала особняк, столовая переехала вниз, – продолжал тем временем Андрей. – Из бывшей кухни

на втором этаже сделали спальню, там поселили Катю. А холодный шкаф под окном не заложили – о нем, похоже, элементарно забыли. Во всяком случае Нина Анатольевна удивилась, когда увидела, куда дочка прятала снедь, воскликнула: «Давным-давно я там держала банки с вареньем! У нас тогда кладовки не было, Гена позже чулан соорудил».

– Так чем Катя повредила желудок? – остановила я Андрея.

– Не имею понятия, – ответил тот. – И Женя, эксперт, тоже. Это точно травма, следов яда в организме нет. И какого-нибудь инородного предмета не найдено. Она съела что-то, продырявившее внутренности. Но что? И куда оно потом подевалось? Ответа нет. Зато я знаю, по какой причине девицу переклинило на сладком – она была беременна на малом сроке, девять недель. Женщин в таком положении глючит на еде, одни соленое-маринованное трескают, другие на торты налегают.

– Вот так новость! А кто отец? – поразились я и услышала от Платонова.

– Хороший вопрос, но на него ответа тоже нет.

– Можно сделать анализ ДНК плода, – подсказала я.

Платонов вскинул брови и усмехнулся:

– Правда? Нам бы самим никогда не пришла в голову такая гениальная идея... Вилка, подумай: ну получит Женя результат. И с чем его сравнить? Где нам взять ДНК папаши? Понятия не имеем, кто он.

Глава 10

Гидрозавод не велик, до места встречи с Антониной я могла дойти пешком, но поленилась, села в машину, арендованную для меня Зарецким, и отправилась в путь. Пробок в городке нет, но скорость движения ограничена, я медленно покатила по центральной улице, остановилась у светофора, начала глазеть по сторонам и увидела вывеску: «Агентство «Кэмел – верблюд дорог». Продажа

билетов в любую точку земного шара. Консьержское агентство любых услуг». Тут же вспомнила вчерашний разговор с Варей Романовой и ее просьбу заранее застолбить место в поезде до города Каргополье. Я посмотрела на часы и, как только на светофоре загорелся зеленый глаз, перестроилась в правый ряд и припарковалась у входа в агентство.

– Отправим вас куда хотите, на чем угодно! – заявила женщина в синем пиджаке, увидев в совершенно пустом офисе потенциальную клиентку. – Я администратор Марина, готова выполнить любое ваше желание. Годовое обслуживание в агентстве стоит...

– Надо обязательно приобретать членство? – приуныла я. – Хотела просто билет купить.

– Нет проблем, – засуетилась Марина, – сделаю все в наилучшем виде, просто абонемент дает скидку. Да, вам сначала покажется, что он дорог, три тысячи евро за двенадцать месяцев, но когда начнете им пользоваться, оцените выгоду. Сейчас объясню.

– Мне требуется два проездных документа, – остановила я тетку, – туда-обратно, и все.

– Билеты! – обрадовалась Марина. – Демонстрирую на их примере, как работает членство. Теоретически представим, что ваше путешествие стоит пятнадцать тысяч плюс наша комиссия за прекрасные услуги, получится семнадцать. В любую точку Гидрозавода заказик доставят вам за сто рубликов, в Нижнегорск за триста. Выгодно, да?

– Не понимаю, в чем выгода? – удивилась я.

– Не членам лучшего в мире агентства консьержек за услуги насчитают две тысячи десять, а за доставку сто пять, – расплылась в улыбке Марина, – на пятнадцать рублей больше.

– Надо отдать три тысячи евро, чтобы получить скидку всего пятнадцать целковых? – уточнила я.

Марина вынула калькулятор.

– Оценивать финансы нужно во всем объеме. В году триста шестьдесят пять дней, вы ежедневно пользуетесь услугами нашего агентства. Умножим на пятнадцать и... имеем пять тысяч триста сорок рублей. Это сумма.

– Но чтобы сберечь ее, надо отсчитать несколько тысяч евро, а это намного больше. И я не собираюсь ежедневно путешествовать, – сказала я. – Кстати, почему оплата членского взноса в евро? Вроде в России другая национальная валюта.

– Наше предприятие международное, – зачастила администратор, – штаб-квартиры находятся в Нью-Йорке, Лондоне и Пекине.

– Тем более непонятно, при чем здесь европейские деньги, – продолжала я ненужный разговор, – тогда уж требуются доллары, фунты стерлингов и юани.

– Лучшее на Земле агентство консьержек работает с евро, – повторила служащая.

Я устроилась в кресле. Сказать даме, что она путает слова? Консьержкой именуют милую тетушку, которая сидит у лифта в вашем подъезде, а тот, кто исполняет желание клиента и служит волшебной палочкой, называется консьерж.

– И за евро вы получите эксклюзивные услуги, – продолжала трендеть Марина. – Потрясающие! Уникальные!

– Например? – заинтересовалась я.

– Хотите похудеть на двадцать пять кило и при этом есть все без ограничения? Скажем, торт перед сном, салатик «оливье» каждый вечер... – принялась искушать меня Марина.

– Если я потеряю двадцать пять килограммов, буду весить меньше дворовой кошки, – развеселилась я, – а от безудержного пожирания бисквита с кремом печень руки вверх поднимет.

– У печенки лапок нет, – возразила сотрудница агентства «Кэмел – верблюд дорог». – Клиентам с годовым абонементом абсолютно бесплатно, то есть безвозмездно, даром, предоставляется на неделю похудательный тренажер. Некоторые наши заказчики, использовав его, потом ехали в Австрию отъедаться, потому что их вес стал отрицательным, приходилось набирать его. Ну как жить, если в тебе минус пятнадцать кило?

– Да уж, затруднительно, – согласилась я, стараясь не расхохотаться. – Можно взглянуть на удивительное приспособление?

Марина потянулась к стопке бланков.

– Конечно. Оплачивайте членство, и я покажу вам наше ново-хаво.

– Ново-хаво? – изумленно повторила я. И закашлялась, сообразив, что имеется в виду. – А, так сказать, одноразовым посетителям ноу-хау не демонстрируют?

– Простите, нет, – пропела тетка, – оно для группы «А». Если каждому показывать, то те, кто заплатил, обидятся. У нас много суперского, но только для членов.

– Мне нужен билет Москва – Каргополье на поезд «Лабуда» в вагон «сингл-бизнес», – озвучила я свое требование, – отправление третьего сентября, назад двенадцатого.

Марина начала двигать «мышкой».

– «Москва – Каргополье» третьего и «Москва – Каргополье» двенадцатого... Ой, а двенадцатого состав из столицы не идет.

– Вы не поняли, – остановила я бестолковую дамочку, – третьего, в четверг, из Москвы в Каргополье, а в следующую субботу из Каргополья в Москву.

– Ага, ага, третьего туда, пятого оттуда, – пропела Марина.

Я повысила голос:

– Двенадцатого!

– Вы сказали: в четверг – туда, – возразила Марина.

– Верно, туда – третьего числа девятого месяца, – продолжала я. – Ну подумайте сами, на месте я окажусь четвертого, а пятого назад? В чем смысл поездки?

– Разная дурь людям в голову лезет, – вздохнула собеседница. – Один наш вип хотел тридцатого декабря прилететь в Израиль, а двадцать восьмого вернуться.

– Это невозможно, – засмеялась я.

– А он требовал купить ему билет, – вздохнула женщина. – Вы подчеркнули: в следующую субботу. А она пятого.

– Я имела в виду двенадцатое, – смутилась я.

– О'кей, о'кей, – заулыбалась Марина, – туда... сюда... Хм, сингл-бизнес. Билет недешевый.

– Знаю, – кивнула я. – Только проверьте, чтобы в купе были туалет и душ, не перепутайте с СВ или с плацкартным вагоном.

– Я работаю почти со дня основания фирмы и ни разу не ошибалась, – гордо заявила администратор.

– А когда открылось агентство? – любопытствовала я.

Дама откашлялась.

– Впервые «Кэмел» распахнул двери в тысяча восемьсот двадцатом году.

Я уставилась на говорившую. Ей никак не может быть двести лет!

– Первого сентября Ричард Нильсен организовал путешествие французского археолога Филиппа Буарэ по Африке на верблюдах, – принялась выдавать

заученный текст администратор. – Поэтому впоследствии агентство и получило название «Кэмел», что в переводе с иностранных языков обозначает: «верблюд». Просто верблюд. Правда интересно? В России офисы появились на заре двадцатого века, в девятьсот втором, тогда царь Николай Второй ездил через «Кэмел» в Японию. После большевистского переворота фирма свернула свою деятельность и заново открыла российское отделение в Гидрозаводе одиннадцать месяцев назад, для наших клиентов оно носит расшифрованное название: «Кэмел – верблюд дорог». Так что нам скоро двести лет. Значит, туда двенадцатого сентября, назад третьего?

– Да, – машинально кивнула я и вздрогнула. – Нет! Нельзя уехать в Москву, не приехав в Каргополье.

– Вы передумали? – вздохнула Марина. – Случается. Отменяю бронь.

– Нет, оставьте, – велела я.

Марина изобразила восторг.

– Прекрасно! Начинаем еще раз! Каргополье – Москва, третье...

– Двенадцатого – туда! – гаркнула я. – Назад третье! То есть не так... назад двенадцатого, туда третьего сентября. Ясно?

– Нет, – жалобно пропищала сотрудница фирмы. – Может, составим карточку заказа? И вам, и нам будет легче.

– Отлично. Где она? – оживилась я.

Марина протянула мне два листка.

– Вот. Это женский образец. Заполняйте анкету по нему, пишите разборчиво.

Я взяла торчавшую из держателя ручку. Так, сейчас разберусь. Имя, отчество, фамилия. Анна Ивановна Иванова. Паспорт серия XXXX, номер: 11111, заказывает билет в город Москва из города Москва... Все понятно, вместо Анны Ивановой и прочей чепухи нужно вписать данные о себе. Легче только

бутерброд съесть.

– Какая вы умница, – запричитала Марина, забирая у меня заполненную карточку, – за десять минут справились, другие по полдня корпят. Чудесно. Оплачивайте проездные документы, завтра вам их доставят в любое удобное время.

– Разве нельзя распечатать их сразу? – удивилась я. – Всегда так делаю, когда куда-то лечу на самолете.

– Поезд не самолет, на железной дороге свои правила, – заявила Марина. – Во сколько надо прибыть курьеру?

– Вечером, – разрешила я, – после восьми.

– Отлично, – сказала Марина. – Пожалуйста, теперь оплатите.

– Карточкой можно? – уточнила я.

– Ну, конечно! – засмеялась администратор. – Гидрозавод цивилизованное место, давным-давно кредитками пользуемся. Плиз, вводите код. И еще плюс двенадцать тысяч наличными мне.

– За что двенадцать тысяч? – удивилась я.

– В стоимость билета не включены две тысячи транспортного налога, – пояснила Марина.

– Хорошо, – не стала спорить я. – А еще десять откуда?

– Три нужно отдать на топливный сбор, – отчеканила тетушка.

– Поезд не на керосине работает, – возмутилась я, – вроде он от электричества бежит.

– Здравсти вам! Оно что, бесплатное? Теперь в России за все копеечку требуют.

– Согласна, – сдалась я. – Итого, пять, а вы просите намного больше.

Марина вытянула руку и начала загибать пальцы.

– Тысяча – стоимость бесплатного питания, две – за подарочный набор пассажира, в него входят: одноразовая расческа, зубная щетка, мыло, тапочки и журнал по вкусу.

– Бесплатное питание выдается бесплатно, – отбила я подачу. – Подарочный набор тоже. Иначе с чего бы он так назывался?

Марина подбоченилась.

– Сингл-бизнес-люкс-вип-вагон снабжается элитным набором еды, там не вареная, а копченая колбаса с длительным сроком годности, вместо черствого хлеба свежие мягкие сухари и приложен рулон туалетной бумаги.

– Свежие мягкие сухари? – захихикала я. – Прикольнее только твердое натертое звездочками растительное масло. А что, пассажиры из экономкласса не могут воспользоваться в сортире бумагой?

– Почему, она есть, но пипифакс общественный, один на всех, а у вас свой, не тронутый, никем не захватанный. Поэтому и берется доплата за виповость, – растолковала Марина.

– Мне не нужны ни еда, ни подарок, – отрубила я, – вычеркните их.

– Нельзя, – приуныла администратор, – все включено в стоимость проезда.

– Выходит, за все это доплачивать не надо, – сделала я вывод.

– Нет! – заспорила Марина.

– Все учтено в билете, сами только что сказали, – уперлась я.

Марина закатила глаза.

– Стоимость купе – да, а к нему еще коробки с наборами. Их нельзя выкинуть.

– Почему? – не поняла я.

– Потому! Они прилагаются к вагону!

– Но если мне не нужны бутерброды?

– Не ешьте их. Но оплатить обязаны.

Я вновь признала свое поражение.

– Ладно. Набежало восемь тысяч. Но не двенадцать же!

Администратор откашлялась.

– Две штуки за спешел-убранство купе.

Конец ознакомительного фрагмента.

notes

Сноски

1

МГБ – Министерство госбезопасности, создано в 1946 г. До этого было: ВЧК (1917–1922 гг.), ГПУ (1922–1923 гг.), ОГПУ (1923–1934 гг.), НКВД СССР (1934–1941 гг.), НКГБ СССР (1941 г.), ГУГБ НКВД СССР (1941–1943 гг.), НКГБ СССР

(1943–1946 гг.). Позднее, в 1953 г., МГБ превратилось в МВД СССР (1953–1954 гг.), КГБ (1954–1991 гг.), МСБ (1991 г.), ЦСР (1991 г.), МБР, ФСК, ФСБ – с 1995 г. по наши дни. – Здесь и далее примечания автора.

2

Пуштаны – народ, выдуманный автором. Но мы знаем печальные страницы истории, когда во время войны и после нее по приказу Сталина массово депортировались из родных мест ингуши, чеченцы, этнические немцы, карачаевцы, балкарцы, калмыки, курды, хемшины, кумыки, аварцы, абазины, тавлины, ногойцы... Список можно продолжить. Ни в чем не повинные люди были обвинены в предательстве, объявлены врагами СССР. Они массово погибали, очутившись в непривычных климатических условиях, умирали с голоду, не имея возможности заниматься тем, чем занимались их предки, многие были расстреляны.

Купить: <https://tellnovel.com/ru/darya-doncova/tri-zhelaniya-zhenschiny-mechty>

Текст предоставлен ООО «ИТ»

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию: [Купить](#)